

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ
КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

25 Května 1932.

Volné Kozáctvo

Ročník V.

25-го мая 1932 г.

105

25-го травня 1932 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 5-ый

РІК ВИДАННЯ 5-ий

Ф. Лигон

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Aux Français.
2. К французам. (K Francouzům).
3. К нашим соседям. (Naším sousedům).
4. Почему не была создана Кубанская армия? (Proč nebyla utvořena Kubánská armáda?).
5. Чужинец: Французское казакофильство в первой половине XIX века. (Francouzské kozáko-filstvo v prvé polovině XIX st.).
6. А. Трофимов: Страна казаков. (Země kozáků).
7. М. Минаев: Больше веры и бодрости! (Více víry a života!).
8. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
9. Пресса. (Pressa).
10. Против клеветы. (Proti pomluvám).
11. Кто убийца Президента Ф. Р.? (Kdo zabil presidenta R. F.?).
12. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
13. В Казакии. (V Kozákii).
14. По белу свету. (Po célem světě).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Польша. — К. К. — Надіслані Вами 20 п. зл. для Тов. прих. У. Г. А. переслані Т-ву в зак. листі, кв. М... Вітаємо.

Злин. — В. О. — Получено. Принято во внимание. Привет.

Брно. — В. К. — Все присланные проекты будут приняты во внимание. Привет.

Болгария. — Н. П. — Получено. Привет.

Белград. — Б. К. — Получено. Привет.

Белград. — П. П. — Получено. Привет.

Франция. — В. С. — Будет помещено. Привет.

Гаражда. — А. Ш. — Получено. Привет.

Харбин. — И. К. — Получено. Ваша старшина зовет к прошлому мертвому. Там спасения Казачеству нет. Будем продолжать свое дело. Наше дело правое и все казаки все равно рано или поздно выйдут на в. к. дорогу. Привет.

Париж. — П. Ф. — Получено. Привет.

Франция. — О. — Получено. Привет.

Франция. — К. К. Ф. — Сведения о Парагвае узнаете у Т. Хоруженко в Лионе, который состоит в непосредственной связи с г. Лысенко. Привет.

Болгария. — И. Д. К. — Получено. Привет.

Бразилия. — С. С. — Одержали. Вітаємо.

Гонорар не платится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: И. И. Безуглов.

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Белград.

А. Чекин. Крагуевац.

Г. В. Алферов — Мраморак.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine.

Bukarest V.

А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.

А. Кирьянов. Августов.

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.

Н. Егоров. Лом.

Т. Л. Ляхов. София.

В О ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. Париж.

А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.

Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.

И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina. Cenon (Gironde).

И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons.

С. К. Поляков. M-eur S. Poliakoff, Rombas.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

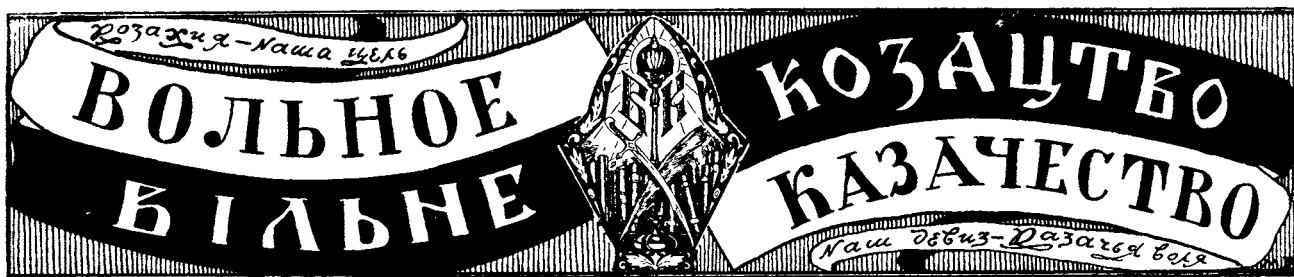
В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

● КАЖДЫЙ ВОЛЬНЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ! ●

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.
(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 105

Среда, 25 мая, 1932 — Среда, 25 травня, 1932.

№ 105

Aux Français.

Un crime odieux fut commis le 6 Mai à Paris, votre capitale. Le sang du premier citoyen de la République Française a coulé. Le chef de votre état est tombé victime de l'assassin infâme; tombé celui qui servait de symbole de dévouement pour la patrie. Cet homme qui sut porter avec un courage si admirable la douleur glorieuse de la mort de ses quatre fils tombés au champ d'honneur a voué sa vie entière au service de son pays et c'est justement le titre de Président qui lui a valu la mort... L'homme qui n'avait fait que du bien aux émigrés russes, par l'ironie cruelle du destin a été assassiné par un Russe...

Aussitôt que la nouvelle de ce meurtre hideux parvint à Prague les Cosaques libres terriblement bouleversés expédièrent par leur représentant de Paris, un telegramme au Président du Conseil des Ministres monsieur Tardieu pour donner libre cours à leur indignation viz à vis d'un crime si odieux et pour exprimer leur sympathies à la nation française.

Mais combien grand fut notre désespoir, quand les journaux russes apportèrent l'information que l'assassin était Cosaque. Bouleversés par la nouvelle, les Cosaques entreprirent de faire une enquête à ce sujet. Donc, les

resultats obtenus permettent de croire que l'assassin n'a rien en commun avec les émigrés cosaques et n'appartient à aucun groupement politique cosaque. L'assassin lui-même ne s'est jamais appelé cosaque. Sur la couverture de son livre „vert” l'homme qui se dit d'être Gorguloff avait écrit: „Le parti est fondé par le paysan Pavel Gorguloff”. Or, quiconque connaît les Cosaques, sait bien que jamais un Cosaque ne se nomme paysan.

Nous n'avons point de doutes que, comme le laisse croire l'enquête Cosaque, l'homme qui assassina le Président Doumer profita des papiers d'identité d'un malheureux exécuté — peut-être par lui-même.

En partageant le deuil des Français, nous saluons pieusement la tombe du Président de votre grand et généreux pays.

Tout en condamnant énergiquement le crime commis nous sommes obligés d'avouer que les motifs du terrible acte de celui qui se nomme Gorguloff, nous paraissent inexplicables.

Gloire éternelle à la mémoire de Paul Doumer.

Et puissent les Cosaques, dans ce temps d'épreuves voir les soupçons affreux dirigés contre leur clan se détourner ailleurs?

—>■←
Телеграмма, посланная представителем ВК в Париже Правительству Французской Республики по поводу убийства Президента:

Le Président du Conseil des Ministres

Quai d'Orsay Paris.

Le Représentant à Paris de l'Association des Cosaques libres séparatistes adressé à monsieur le Président du Conseil des Ministres au nom de l'Association les plus vifs regrets pour l'acte abominable qui vient d'être commis sur la personne du Président Doumer et le prie d'accepter les condoléances les plus profondes de tous les Cosaques libres.

L'Association estime que cet acte est l'œuvre d'agents bolcheviks.

Balinoff.

К французам.

6 мая в вашей столице — Париже — совершено отвратительное преступление. Французская земля обагрилась кровью первого гражданина Французской Республики.

Жертвой выстрела гнусного провокатора пал не только глава вашего государства, — пал выдающийся отец, недавно еще — живой символ и олицетворение жертвенного служения до конца дней своих своей Родине. Человек, мужественно перенесший смерть своих четырех сыновей, отдавших жизнь свою за Родину; сам всю свою сознательную жизнь посвятивший служению своей стране и на почетном посту ее Президента смерть принявший... Человек, так много хорошего делавший для русской эмиграции, по жестокой иронии судьбы пал от руки... русской.

Как только стало известно об этом гнуснейшем злодеянии, вольные казаки, охваченные чувством негодования, немедленно, через своего парижского представителя, телеграммой на имя председателя Совета Министров господина Тардье выразили свое глубокое возмущение страшным преступлением и свою беспредельную скорбь французской нации.

Велико было наше отчаяние, когда русские газеты сообщили, что убийца — казак. Потрясенные этим сообщением, казаки сами взялись выяснить этот вопрос и убедились, что убийца

не только не казак, но и ничего общего с казачьей эмиграцией, тем более с казачьей политикой не имеет. Сам убийца никогда себя казак и не считал. На обложке своей „зеленой“ книги человек, назвавший себя Горгуловым, написал: „партия заложена крестьянином Павлом Горгуловым“. Кто знает казаков, тот также знает и то, что ни один казак нигде и никогда не назовет себя крестьянином. Для нас не подлежит сомнению установленная казаками правда, что человек, убивший Президента Французской Республики, воспользовался документами может быть им же в свое время убитой жертвы...

Разделяя горе французского народа, мы, вместе со всей Францией, почтительно склоняем свои головы перед свежей могилой Президента Великой и великодушной Франции.

Осуждая со всей категоричностью совершенное злодеяние, мы должны признаться, что не можем понять мотивов преступления, совершенного человеком, называющим себя Горгуловым.

Да будет легка земля покойному Полю Думеру.

Да пронесет судьба мимо казаков всякую тень подозрения в причастности казака к этому столь низкому злодеянию.

К нашим соседям.

Обращаемся ныне к тем народам — нашим соседям, — которые, ведя освободительную борьбу, находятся сейчас в таком же почти положении, как и мы, казаки, и чьи Земли в настоящее время точно так же стонут под тяжелой оккупантской пятой красной Москвы.

Одинаковая „конечная“ историческая судьба готовилась всем нам в составе старой Российской Империи. Одинаково все мы испытали на себе тяжелую и часто жестокую руку царей, душивших наше право и нашу свободу. Одинаково боролись мы за свое будущее, когда Р. И. рухнула. Каждый из нас поднялся на борьбу за свое священное право самому распоряжаться своей исторической судьбой. И каждый из нас, по мере своих сил, способностей и, главное, возможностей стремился к своей собственной государственной жизни, к своей воле и самостоятельности. Одинаково тяжелой для всех была эта наша борьба. И одинакова судьба ее... Одинаково испытали мы на себе и не менее тяжелую и грубо насильническую руку русской рабоче-крестьянской власти, поддержанной против нас всей тяжестью „коллективного кулака“ русского народа.

Почти одинакова судьба наших народов ныне под оккупационной сов. властью в составе но-

вой „тюрьмы народов“ — СССР. „Почти одинакова“ потому, что положение Казачества там — в смертельных объятиях большевицкой Москвы — наихудшее, ибо оно не имеет даже той фикции автономии, какую имеют некоторые из вас... Гнет русско-большевицкого насилия и произвола с наибольшей тяжестью надавил на Казачество, лишенное даже иллюзии своего народного национального права там...

Неодинаково положение наше и ваше здесь, положение эмиграции вновь поработанных — на этот раз Сов. Россией — народов. Но, одинаковы стоящие перед каждым из нас задачи дальнейшей борьбы и освобождения.

Почему мы недавно борьбу проиграли? Нет ли и нашей в том вины? Все ли было в порядке и как следует на нашем общем национально-освободительном фронте?

Если мы оглянемся назад и задумаемся в минувшие события, то увидим, что не все в прошлом было использовано всеми нами так, как того требовала обстановка и логика борьбы.

Все мы давно уже признались в том, что к революционно-освободительным событиям 1917 и последующих годов были плохо или совсем неподготовленными. Но, к сожалению, не все мы еще пришли к сознанию, что самой главной при-

чиной нашого поразення в прошлoм було oтсутствие между нами согласия и солидарности в стремлениях и согласованности в действиях. Нас били по частям и по порядку. — Не есть ли в этом наша (всех) главнейшая ошибка?

Перед всеми нами решительная борьба впереди. Может быть даже в близком будущем. Каждый из нас готовится к этой борьбе по своему. Но попробовали ли мы хоть раз сговориться между собою, стовориться хотя на том, на чем сговориться смогли бы? Не рискуем ли мы повторить в будущем вновь ту же самую убийственную и опасную для всех нас ошибку?

Можем ли мы — все народы, соседи ближние и дальние, порабощенные одним насилием, стонущие под одним и тем же игом, — можем ли мы сговориться между собою? Что нас сблизжает и что нас отталкивает? Что нас об'єдиняет и что нас раз'єдиняет?

Мы, казаки, берем на себя инициативу открыто — хотя бы в общих чертах — поставить все эти животрепещущие вопросы и осветить их с нашей, казачьей точки зрения.

До сих пор никто еще — ни с нашей, казачьей стороны, ни со стороны наших соседей — не выдвигал со всей ясностью и наибольшей возможной полнотой вопросов, касающихся взаимных отношений Казачества и его соседей. Мы, вольные казаки, делаем первую такую попытку к дружественному сговору с народами-соседами, освободительные стремления которых лежат в общей нам всем линии интересов будущей борьбы.

1. До українців.

Прежде всего — наше казачье слово к украинцам. Слово до тех, хто і сам себе рахує ще, що „ми браття козацького роду“.

Брати українці! Чи все між нами гаразд зараз? А коли не гаразд, то чому і через що?

Ми певні, що між козаками та українцями не тільки мусить бути згода, але більш — було б не природньо, коли б між нами тієї згоди та приятні не було.

В недавній оружній боротьбі за свою волю та долю казаки і українці були — на жаль — по різних боках фронту. Мусимо одверто подивитись цій прикрий правді до очей та зужити всіх сил, щоб у майбутньому чогось подібного не сталося вже ніколи. Але для цього не потрібно зовсім, щоб хтось з нас один одному підлягав та щоб хтось з нас один над другим простяг своє панування.

Кажучи по правді, українці та казаки одверто та щиро між собою ще не говорили. А слід би. Бо вже де-хто наперед дбає, щоб до згоди козако-української не дійшло. Є, на жаль, і серед українців ще такі, хто хотів би йти в відношенню до козацтва шляхами російського єдинонеделімчиства.

Ми — сусіди. І вже саме через це одно говорить колісь між собою та лагодити різні справи мусимо. У нас віддавна є спільні і взаємні інтереси. І ці наші інтереси — чи не най-

ближчі, чи не найтісніші, ніж інтереси кожного з нас окремо з кимсь иншим? І зараз же перед нами обома визвольна боротьба проти одного і того самого ворога. Це ще більше примушує нас говорити один з одним.

І — кажемо наперед — з нашої козачої точки погляду казаки з українцями, а українці з козаками мали б говорити і зговорюватись в першу чергу. Та, на превеликий жаль, зараз це чомусь не так. А слід би...

Ми ось і беремо на себе ініціативу поставити козако-українське питання перед українським загалом. Звертаємось до всього українського громадянства, бо хочемо щиро будувати велику козако-українську згоду, що однаково потрібна і нам, козакам, і вам, українцям.

Що з'єднує нас і що роз'єднує? І те, що роз'єднує, — хіба ж то вже справді таке значне, чого і переступить не можна, перебороть не можна, відкинуть, перебудувати не можна? А те, що об'єднує, — хіба ж то вже справді таке мале, нікчемне і незначне, що на нього і поглянути не варто, що не варто воно намаги і зусиль підкреслити, звеличити його, оцінити належно, зробить гаслом спільної нашої догоди?

Коли б ми звернулись до наших історій, до нашої минувшини — вашої і нашої — ми б знайшли там багато прикладів того, як братерська чи дружня згода між козаками й українцями добре прислужилась до захисту прав та інтересів обох народів! І були — і не раз, на жаль! — випадки, коли незгода і розбрат козако-українські служили добре на користь лише нашим ворогам. Були в минулому між нами щасливі часи взаємної допомоги, братерського порозуміння й удач та слави; були й сумні часи розбрату, сварок, невдач і ганьби...

То було в далекому минулому. Але пригляньмося і нашому минулому недавньому. Силою обставин, а ще більше працею ворогів наших, ми були майже один проти одного. А що ми — ви і ми, чи ми і ви — що зробили ми, щоб того не було? Що зробили ми, щоб порозумітись та стати разом і за одно?

По правді кажучи, ніхто з нас не ужив ні рішучих зусиль, ні всіх відповідних заходів, як нічого ніхто з нас ідосі не зробив для щирого та широкого козако-українського порозуміння.

Все ж таки, з козачого боку за цей останній час козачих змагань були спроби активної політики в бік України; з боку ж українського під час недавньої визвольної боротьби таких намірів було значно менше. Тут же, на еміграції, козацьке питання де-якими українськими політиками чи то навіть і цілими політичними угрупованнями наче б і зовсім ігнорується. Українці багато своєї уваги звертають на захід; дбають про навязання тісних стосунків із західно-європейськими, навіть не сусідськими народами; входять в порозуміння і зі східно-європейськими чи то азійськими народами, також не сусідами, і мало зупиняють свою увагу та виявляють зацікавлення народами козаками — своїми найближчими східними сусідами.

До цього часу в українських провідних колах не було майже ніякої ясно викресленої політичної думки „на схід“, не було майже ніякої усталеної політики в бік козачого сходу. Маємо лише різні українські „настрої“ в наш бік. Єсть серед цих настроїв, безперечно, і прихильні до козацтва, особливо в лавах військових, що може інтуїтивно відчувати друзів в козаках-самостійниках і майбутніх поплечників у новій боротьбі. Але є між тими різними „настроями“ і такі, які можна характеризувати словами пісні: „...від Кубані аж до Сяну річки одна нероздільна“...

З нашої точки погляду цей останній „настрій“ чи то і свідома ідеологія „соборности“ де-яких українських кол і є тією головною перешкодою, що стоїть на шляху щирого козацько-українського порозуміння. Це є тією головною причиною, яка нас розділює і може поставити обидвох нас проти себе. І цього, гадаємо, не треба зараз замовчувати, не треба закривати очей на можливе між нами в цьому питанні тертя, а навпаки — треба нам обом щиро-одверто та чесно розглянути цю справу, розібрати, зважити й оцінити дійсний стан річей та винайти таке взаємне порозуміння, яке забезпечувало б нам найдоцільніші і найбільші вигоди в наших найцінніших спільних інтересах.

Ми, козаки, боремося за своє визволення, за своє народне право, за державну самостійність та незалежність своїх Земель, а не за те, щоб змінити одну залежність на другу, не за те, щоб з під влади російської підпасти під владу яку іншу.

Де-які шовіністичні українські кола включають, прикладом, і Кубань в склад соборної України. — Мусимо заявити зі всією рішучістю раз і на завжди, що долю Кубані мають право вирішувати лише ті народи, що її посідають, а перш за все кубанські козаки. Мусимо зазначити, що політика української соборности, направлена в бік Кубані, не може нами трактуватись інакше, як невиправданий імперіалізм, подібний до російського сумної слави „єдиноділимства“. Справу Кубані вирішують кубанці, а не українці, чи хтось инший.

Ми, козаки, не втручаємось у вирішення українцями своїх внутрішніх справ і стоїмо на засаді того морального священного права, що коли всі народи, в тому числі й українці, мають вільно вирішувати усі свої народньо-державні справи, то і ми, козаки, не виключаємося з цього загально-людського права та маємо і собі свою власну справу самі вирішувати. Думаємо, що коли українці й інші народи прагнуть до того, щоб їх власне право на незалежність і свободу визнавалось та поважалось другими, то і самі вони мусять поважати та визнавати таке право за всіма иншими, хто став за це на шлях боротьби. Не заперечування свободи і прав один одному і не згубні суперечки за дрібних непорозумінь, а повне розуміння спільних снаг, порозуміння і взаємна допомога мусять неустанно панувати в таборі тих, хто

знявся на боротьбу за найвище своє благо — за свободу.

Ми, козаки, снажемось вирішити і вирішимо по мірі своїх сил і можливостей свою власну справу самі. І наколи б українці захотіли щиро придивитись до національно-визвольного козачого руху, то вони б побачили, що цей рух поширюється і захоплює козацтво не в меншій мірі, як український визвольний рух захоплює українців. Збуджується народня козацька свідомість, прокидається туга і жага власної державної незалежності, спружується довго душена сила. Козацтво стає на міцні ноги і лагодиться до боротьби за потоптані свої права і волю.

З цього фактичного стану річей дасться розуміти, що й українська соборність, простягнена на Кубань чи на иншу яку частину козачих земель, могла б посунутись туди лише оружною боротьбою, насиллям, що, безперечно, було б невиправимим нещастям і для нас, козаків, і для вас, українців, і чого напевно ані ми, ані ви не хотіли б.

Але ми певні того, що до цього не дійде, що здорове і справедливе почуття українського народу не дозволило б йому піднести руку на братній козацький народ, щоб поспробувати зламати свободну волю населення Кубані. Віримо, що Україна, що бореться за своє визволення, і тепер визнає за всім Козацтвом право його на державну незалежність, як то було вже нею визнано це право в свій час за козацькими республіками Дона і Кубані. Козацтво, що бореться за своє визволення, це право за Україною визнає.

Отже, для усталення дійсного українсько-козацького порозуміння, для витворення добрих міжусідських відношень, для створення союзного фронту в боротьбі за наше і ваше визволення треба одно — мало і багато! — треба, щоб українці свою соборність не поширювали на Козачі Землі і залишили їм самим свободно вирішувати свої справи. — А козаки цю справу для себе вже вирішили.

— Мусимо також і підкреслити, що справа українсько-козацького порозуміння стоїть все ж не так зле. Є багато українців, особливо з рядів активних борців за українське визволення, які зовсім не трактують ідеї соборности в такому розумінню, як це іноді формулюється в тихих закутках емігрантських кабінетів чи деяких шовіністичних — більше чим треба — редакцій. Доказ тому — ті добрі відношення, які складаються між українцями та вільними козаками „на периферії“, які лекше одні в одних пізнають своїх друзів та майбутніх поплечників у боротьбі і скорше доходять до життєвого реального порозуміння. Це є очевидним доказом того, що українсько-козацьке питання нашими і вашими масами фактично вирішується так, як ми його ставимо. Бо ж справді великих розбіжностей чи то глибших непорозумінь в українсько-козацьких стосунках, на щастя, немає. Україно-Козачі державні кордони були вже вста-

новлені і визнані взаємно ще з 1918—1919 р. р. Були визнані Україною козачі республіки, а козачі республіки визнали Україну. Треба, щоб українці і зараз і на майбутнє поважали те, що ними, чи їхніми урядами було вже по взаємній згоді з козаками встановлено і визнано. За сантиметри сперечатись не будемо, кільометрів не дамо, так само, як і самі не будемо хотіть українських кільометрів.

Що ж треба нам робити і до чого стреміти

зараз? — Відповідь може бути найпростіша і найправдивіша одна: поскільки і ви і ми готовимось до боротьби, то необхідно, щоб ця підготовка консолідувалася у загальному розумінню прав та інтересів кожного із нас, в розумінню інтересів наших взаємних і загальних, щоб фактично провадилася ця підготовка і найтіснішому зв'язку і взаємних приязних, щиро братських стосунках. Бо ж, по правді, і ми, козаки, потрібні Україні не менше, ніж вона нам.

Почему не была создана Кубанская Армия?

II.

Для освещения и ответа на поставленный вопрос, приведем ниже ряд выписок из документов и книг авторов, игравших решающую роль в „белом деле“ или свидетельства наших же, столь неудачных, „вождей“, или иных русских людей.

... „Первым важным вопросом (после взятия Екатеринодара в августе 1918 г.) явилось разграничение власти военного командования и кубанского правительства. Кубанские правители во главу угла поставили свою суверенность“... (Ген. Деникин: Очерки Р. Смуты, т. III, стр. 202).

... „Наиболее серьезное столкновение с кубанской властью произошло по вопросу о выделении автономной Кубанской армии с подчинением ее во всех отношениях атаману и лишь в оперативном — добровольческому командованию“... (Там же, стр. 207).

... „На общем заседании командования и кубанских властей 12 августа (1918) вопрос о выделении всех кубанцев и создании армии поставлен был в форме категорического требования...“

Я (Деникин) соглашался постепенно, по мере притока укомплектований, выделять всех кубанцев из чисто добровольческих в казачьи части, но в формировании отдельной армии... категорически отказал“... (Там же, стр. 208).

... „Через месяц он (вопрос о Куб. Армии) поднялся опять в бурном заседании Законодательной Рады. Там, однако, оказался у нас союзник: атаман Филимонов защищал позицию командования и Добровольческую армию“... (Там же, стр. 208).

... „Мне (Деникину) стало известным, что в случае решения об уходе Добровольческой армии кубанские военные начальники произведут в Екатеринодаре переворот, свергнув правительство и Законодательную Раду и, вероятно, истребят многих черноморских вожаков“... (Там же, стр. 209).

... „Наконец, мы безнадежно запнулись на вопросе о Кубанской армии. Краевая Рада требовала собственной армии. Главное командование упорно сопротивлялось этому домогательству (К. Соколов: Правление ген. Деникина, стр. 59. Речь идет о споре в „Согласительной комиссии“, созданной по соглашению между Кр. Радою и командованием Добрармии в ноябре 1918 г. после ухода представителей Добрармии из Рады).

... „Главнейшие обвинения, которые пред'являл Рябовол и Законодательная Рада правительству Сушкова, сводились к тому, что оно не проводит немедленного объединения новообразований Юга и выделения Кубанской армии“... (Ген. Деникин: Очерки Р. Смуты, т. IV, стр. 55).

... „Желая дать нравственное удовлетворение кубанцам, я после поворота на север предполагал армию, предназначенную на Царицынское направление, наименовать „Кубанской“, без изменения существовавшего порядка подчинения. Но под давлением Рады атаман Филимонов, после освобождения северного Кавказа, без соглашения со мною отдал приказ по войску: ... „Ныне настало время и является возмож-

ность выполнить постановление Чрезвычайной Краевой Рады — образовать свою Кубанскую армию... С этого дня все вооруженные силы, выставяемые Кубанским Краем, объединяются в Кубанскую армию, под начальством походного атамана (ген. Науменко), подчиненного непосредственно мне... Для дальнейшей борьбы с большевиками Кубанская армия будет выделять части войск, сведенные в Кубанский корпус, ... а остальные части армии будут заканчивать очищение, обеспечение и умиротворение Края“... (приказ 1 февраля 1919 г. № 172). (Деникин, т. IV, стр. 58).

... „Приказ (этот) остался мертвой буквой. При молчаливом противлении атамана, ген. Науменко ведал только тыловыми, учебными и гарнизонными частями, не вмешиваясь в командование“... (Там же, стр. 59).

... „Постановление Краевой Рады о Кубанской Армии с возможностью подчинения ее в оперативном отношении общему с другими армиями, борющимися против большевиков, главнокомандующему фронтом, было принято еще в декабре 1918 года. Однако, походный атаман ген. Науменко совместно с атаманом Филимоновыми и не думали выполнять это постановление... Спустя очень долгое время, в сентябре 1919 г... Законодательная Рада... вынесла постановление: ... „поручить члену краевого правительства по военным делам срочно разработать и внести в Законодательную Раду вопрос об организации Кубанской Армии и штатов штаба командующего Армией, а также реорганизовать в связи со штатами штаб Кубанского казачьего Войска“. Но и это постановление Законодательной Рады игнорировалось генералом Науменко“... (Георгий Покровский: Деникинщина, стр. 167).

... „Существование Кубанской Армии не будет грозить интересам общего дела и не может вызвать никаких дурных последствий для русского оружия“... (из письма ген. Филимонова ген. Лукомскому 20 июня, 1919). (Ген. Деникин, т. IV, стр. 59).

... „Оптимизм атамана (Филимонова) не разделяла вовсе сама армия, в лице ее командного состава и офицерства. В один из последующих острых периодов домогательств Рады, ген. Науменко послал запрос четырнадцати старшим кубанским начальникам о возможности выделения особой Кубанской Армии и от 13 из них получил ответ резко отрицательный (генералы: Врангель, Улагай, Покровский, Шкуро, Топорков, Крыжановский, Бабиев и др.). (Там же, стр. 59).

... „Ближайшими поводами для междуусобной борьбы (между Кубанью и властью Юга, т. е. Деникиным), поднятой кубанской „революционной демократией“... служили вопросы о полной эмансипации Кубани от правительства Юга, о создании собственной армии“... (Ген. Деникин, т. V, стр. 194).

... „Нашим (т. е. Деникинским) представителям (на так наз. „Южно-русской конференции“) дано было указание: „Автономные армии не допускаются“... (Там же, стр. 205).

... „В ответ (на требование членов Южно-русской конференции — казаков о необходимости создания и

существования автономных казачьих армий) ген. Деникин в резкой форме, повышенным тоном, стуча кулаком по столу, заявил, что Россия не потерпит автономных армий, что армия должна быть единой русской армией, что разговоры об автономных армиях — это предательство, а кто поднимает их — предатели“ (Георгий Покровский: Деникинщина, стр. 168).

Перед ноябрьским переворотом на Кубани „схема управления“ после переворота, согласно Деникину-Врангелю, „необходимость создания отдельной кубанской армии“ отвергала (Там же, стр. 208, п. 5). По свидетельству самого ген. Врангеля план этот был одобрен и ген. Науменко.

„Атмосфера в Раде сгущалась все более. Неизменный вопрос об отдельной Кубанской армии всколыхнул вновь страсти и вызвал разъяснения атамана (Филимонова), что им сделано в этом отношении все возможное, но законное желание его и Рады встретило непреодолимые затруднения со стороны главнокомандующего, не сдержавшего данных Кубани обещаний“... (Там же, стр. 209).

В V томе своих „Очерков Р. Смуты“, стр. 59, ген. Деникин утверждал, что рядовое казачество „с полным равнодушием относилось к этому вопросу (вопросу о

создании Кубанской Армии) почти до осени (1919)“...

Это утверждение опровергает сам же Деникин в V т. стр. 295: „Так как кубанцы не хотели идти в ряды Кавказской армии, то во исполнение их вожелений создана была Кубанская армия, во главе которой поставлен был популярный на Кубане генерал Шкуро“... (Было это 29 декабря 1919 г.).

... „Сформирование Кубанской Армии, на которое пошел, наконец, Деникин, уже не удовлетворяло Раду. „Поздно, поздно!“ кричали члены Рады командующему армией, ген. Шкуро, при его появлении на трибуне“... (К. Соколов: Правление ген. Деникина, стр. 243).

— Да, поздно. К тому же, все дело и ограничилось одним бумажным приказом. Назначение ген. Шкуро командующим еще только подлежащей сформированию Кубанской Армией звучало явным издевательством над Кубанью в самый трагический момент нависших над Казачеством событий. Ибо все, а больше всего сам ген. Деникин, знали, что ген. Шкуро для той роли не годился. Краевая Рада понимала назначение Шкуро — как верную гарантию того, что Кубанской Армии так и не будет. Рада не сомневалась и в том, что ген. Деникин делал так намеренно...

Чужинец.

Французское казакофильство в первой половине XIX века.

(Идея вольного казачества в XIX веке).

Помимо вполне понятного интереса к казачеству со стороны тех народов, которые теснейшим образом были с ним связаны, — русского, украинского и польского, — в конце XVIII-го и в первой половине XIX-го века наблюдается в Западной Европе не только интерес к казакам, к их краям, но и прямое сочувствие им, их судьбе, что позволяет нам говорить о существовании казакофильства европейского — французского, английского, немецкого, пожалуй, также шведского и голландского. Наиболее сильным и ярким было казакофильство французское.

В одних случаях, интерес заграничных писателей был, можно сказать, чисто научный, теоретический: географ, статистик или историк пытался собрать воедино все доступные ему сведения о казаках, их происхождении, их судьбах, их роли. В других случаях, путешественник описывал казачьи края и жизнь в известнейший момент, высказывал свое личное мнение о характере казаков, их „конституций“, их грядущей судьбе.

Наконец, бывали и писатели, писавшие о казаках согласно определенному заказу своего правительства, желавшего использовать в своих интересах определенные движения в среде казачества в момент столкновения этой страны с Россиею. Эти писатели старательно собирали все сведения о государственном бытии вольных казачьих республик, о борьбе их за независимость или автономию, и пытались оценить удельный вес казачьих стремлений к свободе и независимости. Были и писатели, искренно сочувствовавшие казачеству и безкорыстно желавшие ему победы в борьбе против царского самодержавия и московско-петербургского централизма.

Мы не можем ставить себе цели — обозреть всех иностранных писателей о казаках; мы ограничимся лишь тою литературою о казаках (Casacica в отличие от Rossica), которая вышла в XIX веке по французски, английски и немецки; да и из этих авторов коснемся лишь тех, которые так или иначе, говорили о государственном бытии казачьих республик, об автономной жизни казачьих областей или пытались доказать особенность казаков от русского народа. Беспристрастный историк должен спокойно оценить и зарегистрировать иностранные сочинения подобного рода.

Интерес иностранцев к казачеству, начавшийся, пожалуй, со времен Смуты в Московском государстве, всегда пробуждался с особенной силой в моменты

наиболее ярких выступлений его на исторической арене (народные движения в России и Польше, войны России с западом).

Такою эпохою была Хмельниччина, когда гетманская Украина боролась с Польшею за свою национальную свободу. В это время вышли во Франции книги: Боплапа „Описание Украины“, изданное в Руане, в 1660 г.; Шевалье „История войны казаков против Польши“, Париж 1663 и 1668 г.; Тэвено (Thevenot) „Сообщения о разных любопытных путешествиях“. (Сообщение о казаках с жизнеописанием Хмельницкого), Париж, 1696; Линажде-Восьенн „Истинная причина восстания Казаков против Польши“, Париж, 1674 и др.

Такою эпохою было время Разина. В Германии, в Эмдене, в 1671 г. вышел „Краткий, но правдивый рассказ о кровавом возмущении в Москве“, а в 1674 г. Иоганн Юст Марти защитил в Виттенбергском университете диссертацию на латинском языке, которой он дал славянский заголовок: „Стенко Разин, Донский козак, извѣтник id est Stephanus Razin, Donicus Cosacus, perduellis“. В ней Марти не только обозрел всех авторов, писавших в XVI—XVII веках о казаках, но и рассказал о восстании по личным своим впечатлениям.

В 1672 г. появилось в Лондоне „Сообщение о подвизаниях возмущения, недавно поднятого в Москве Стенькою Разиным“, тотчас переведенное и переизданное в Париже Демаром. В Голландии, помимо изданного в Гаарлеме „Краткого, но правдивого рассказа“ (1671 г.), появилось в 1676 г. описание путешествий Яна Стройса, часть коего посвящена была Разиновщине (по личным впечатлениям автора).

Моментом обострения интереса к казачеству была и эпоха Полтавской „баталии“, Мазепы и Орлика, хотя здесь более проявилось уже внимание к украинскому национальному движению, нежели к казакам, как таковым. Тоже можно сказать и о „Летописях Малой России“ Шерера, появившихся в Париже в 1788 г., хотя они и носили подзаголовок: „История казачьих запорожцев и казаков Украины или Малой России“.

Пугачевщина была расценена заграницею, как широкое общее народное движение, а не как казачье только; к тому же самозванство Пугачева еще более затемнило для иностранцев казачий элемент его

выступления. Поэтому мы не приведем здесь ни одного из иностранных сочинений о Пугачевщине, список которых имеется у Бильбосова*).

Мысль — использовать в своих интересах недовольство подвластных России народов, обещавши им помощь в борьбе их за национальное освобождение, — столь блестяще и успешно осуществленная (? Ред.) Германней в эпоху великой войны, не новая! Она, в течение XVIII-XIX-го веков, неоднократно возникала в правящих кругах держав, вступавших в борьбу с Россией. Первый, кто приложил эту мысль на практике, был шведский король Карл XII-й, который долго обдумывал план — подать руку помощи гетманской Украине и Сечи Запорожской и перевести их из под „протекции“ царя московского под свое покровительство. Труды Костомарова, а теперь украинского историка И. Борщака отлично осветили отношения Мазепы с Карлом, условия, на которых Украина должна была пойти под шведскую высокую руку. Но для нас интереснее всего то обстоятельство, что Карл XII-й окончательно решил свой поход на Украину, когда получил известия о Булавинском восстании на Дону! Это событие заставило его думать, что не только Украина и Запорожье, но и Дон, и Яик восстанут против Петра, когда шведские войска появятся в Южной России.

Если нам придется писать о XVII-XVIII вв., об истории донской, запорожской и украинской эмиграции, того времени, мы напомним и о тех сношениях, которые были у Дона с Орликом, этим „эмигрантским“ гетманом, и о деятельности сына Филиппа Орлика — Григория, (окончившего жизнь французским генерал-лейтенантом эпохи Людовика XV), и всей его семьи, мечтавшей поднять и Украину, и казаков, и смоленское дворянство (дело кн. Черкасского) против России.

Полтавская „баталия“ разбила надежды Карла XII. С Украины он увел с собою лишь гетмана, с незначительною группой старшины и казаков. Запорожская Сечь ушла вся и на 30 лет осталась под покровительством хана крымского.

Но мысль Карла воскресла, и надолго, во Франции — сперва при Людовике XV-м, потом при Наполеоне I и, наконец, при Наполеоне III.

Когда война за австрийское наследство затянулась, а Россия стала грозить вмешательством в нее и посылкою 30.000 казаков на берега Рейна, на помощь Австрии (1747), у французов возник план поднять против России Дон, Волгу, Яик, степные народы. Французский офицер, родом из Пикардии, Дориньи, находившийся на русской службе в чине драгунского полковника, предложил французскому поверенному в делах в С.-Петербурге, д'Алиону, взбунтовать 300.000 казаков, калмыков, черемис и т. д. Намеченный им район был, пожалуй, шире, того, который поддержал Пугачева в 1773-4 гг. Версальский двор поколебался несколько и... поспешил заключить мир.

Появление казаков в Зап. Европе в семилетнюю войну надолго укрепило в ней интерес к казакам. Пугачевщина этот интерес еще более подогрела.

Историки и путешественники начали проявлять внимание к Украине, Дону и даже к далекому Яику.

Ко второй половине XVIII века относится возникновение той теории происхождения казачества, которая вдруг возродилась в наши дни: от тмугараканских „касогов“, от „Касахии“ византийцев, от „казачков“ гемузских колоний, от половцев, команов, хозар и т. д. Ее повторяют и географ Пейссонель, и историки Левэк и Леклерк.**)

К концу XVIII в. относятся описания путешествий по России, изданные в Париже: Палласа (в переводе с русского); безымянное (де-Барта), написанное французским юристом в 1784 г., и изданное лишь в 1797 г.; т. наз. путешествие Шантро (1788—1789 г. г.), на-

печатанное в 1794 г. и изданное безымянно голландским путешественником в Амстердаме за несколько лет перед тем. Шантро перевел книгу на французский, но себя поставил автором*). Де-Барт, побывавший лично в Ростове (в крепости св. Димитрия) и в станице Черкасской, считал донцов „лучшими из всех существующих легких войск“, сообщал, что „почти всегда Россия на войне извлекала из них максимальную выгоду“, отмечал привязанность их к древним правам („хранят грамоты в богато украшенном ларце“) и т. п. (стр. 38—42).

Голландский путешественник, сочинение коего перевел и пустил в оборот Шантро**), сообщал о казаках гораздо больше. Иррегулярная кавалерия России, писал он, „состоит из Казаков и Калмыков, в арварских наций, которые во время войны доставляют (государству) скорее вооруженные орды, нежели полки“ (т. I, с. 208). „Казаки, — писал автор далее, — имя коих столь часто повторяется теперь (1780-е годы) газетами и историками, каковые в свою очередь являются газетчиками или их отголоском (!), образуют из себя многие нации, имеющие однако почти одни и те же нравы... Среди „этой породы людей (e s p r e s e d'hommes), к коей мы вернемся, когда будем говорить о варварских или мало известных нациях, покорившихся Империи Российской, Донские казаки наиболее отличаются в авангарде российских армий и образуют из себя корпус наиболее значительный... Их глава носит имя „Хатмана“ (Hattman) и пользуется властью тем более обширною, что она основана на общественном мнении, что является одним из наиболее действительных способов властвования над толпою“ (multitude). Автор отмечал колоссальные доходы атамана Степана Ефремова (Iewremoff).

Автор считал роковым значение Разиновщины для Волги, как артерии мировой торговли (т. I, 242). Напомним, что Екатерина II в манифесте 1775 г. об уничтожении Сечи Запорожской заявила, что Сечь, стоя на путях торговли России с Турцией, т. е. всем ближним Востоком, может быть ей опасна. От автора не укрылось политическое значение крепости св. Димитрия, которую он одинаково именует уже Ростовом. Кстати, де-Барт отметил, что в крепости было 3 батальона, но в окрестностях было расквартировано 2 пехотных и 2 кавалерийских регулярных полка (Mémorie, p. III, p. 39).

Обращаясь во втором томе к „подвластным России народам“, автор снова повторяет (II, 365), что казаков имеется „несколько наций“ (так называет он казачьи войска), но они „мало чем разнятся одна от другой“. Самая значительная из них — Донская. „Казаки этой нации претендуют, что это их предки заселили Россию“ (ont peuplé la Russie). „Действительно, — замечает автор, — их физическое строение не разнится от русских, на языке коих говорят они в самой чистой его форме“...

„Гражданская конституция донцов носит абсолютно военный характер, и дух их весьма воинственный... Они не любят ни торговли, ни земледелия, коими занимаются на Дону малороссыяне, каста людей трудолюбивых, живущих среди казаков и их ничегонеделания“ (faitnéantise). Предчувствуя торговые и промышленные возможности города, стоящего у устья Дона, автор говорит: „у Черкаска“ (т. е. станицы Старочеркасской) „было бы великое будущее, если бы жителями его были не солдаты, а граждане“ (II, 267-269).

*) О путешествиях Палласа французы узнали через немцев, поэтому мы говорим о нем в другой статье; (De-Bart), „Mémorie, extrait du journal d'un voyage fait au printemps 1784 dans la partie méridionale de la Russie“ — в третьей части книги „Mémoires historiques et géographiques sur les pays situés entre la Mer Noire et la Mer Caspienne“, Paris, an V (1799).

**) Chantreau „Voyage philosophique, politique et littéraire, fait en Russie pendant les années 1788-1789, traduit du Hollandais, Paris, 1794, 2 vol.

*) „История Екатерины II-й, т. XII, ч. 1 и 2, см. именной указатель.

**) Peyssonnel, „Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords dn Danube et du Pont Euxin“, Paris, 1765, p. 125—6; Levesque „Histoire de Russie“; Leclerc „Histoire de l'ancienne Russie“ и др.

Отметив происхождение яицких казаков от донских, автор называл яицких казаков „расою людей храбрых и полных энтузиазма в отношении старой веры (борода им дороже жизни) и старых их распорядков“. Ему вполне понятно значение Пугачева, как борца за казачью волю (II, 173, 175).

Великая французская революция вызвала во Франции интерес и сочувствие к угнетенным народам, вообще, в частности к народам Российской Империи. Целый ряд записок с проектами освобождения народов России подается в министерство иностранных дел, а член Конвента Буасси д'Англа произносит 11 пловноза 1795 года горячую, посвященную этим народам речь, бичуя русский деспотизм.

Интерес к казакам обостряется в эпоху наполеоновских войн. Вместе с Суворовым в 1799 г. проходят они через Австрию, сев. Италию и Швейцарию, затем появляются в Австрии, Пруссии (1804, 1807), наконец участвуют в Отечественной войне, играя в последней виднейшую роль. В эту эпоху количество книг о казаках на французском языке (в подлиннике и в переводах) растет небывало.

В 1799 г. пишет свои мемуары Массон, бывший при русском дворе при Екатерине II и при Павле, но вынужденный спешно покинуть Россию. Появляются они, без имени автора, в 1802 г. (респуб. год X-й)*) Массон глубоко сочувствовал казакам.

„Воинственная нация Казаков, — писал он, — уменьшается со дня на день. Она вскоре исчезнет с поверхности земли, подобно столь многим другим, над коими отяготел русский скиптер, разве что удачная революция придет вскоре освободить казаков от ига, которое их давит и уничтожает“ (III, 114).

О происхождении казаков Массон сперва высказывается осторожно, что оно „не выяснено, но, к а ж е т с я, не одинаковое с русскими“ Затем, начинает перечислять остатки народов, которые в южно-русских степях смешались с татарами и привыкли к русско-славянскому языку. Не вполне понятно для нас, почему „привыкли“ эти „хазары, печенег и татары“ именно к русскому языку, а не к татарскому?!

„После изгнания монголов“ — продолжает Массон, — казаки остались в степях и создали род военно-демократической республики барьер между русскими и нагайцами. Стали могущественны и опасны соседям“ (III, 115-116). К сожалению, ядро казачества распалось, (когда и как, Массон не объясняет). „Честолюбие некоторых казачьих фамилий закончило разложение“...

„Казаки, однако, никогда не переставали смотреть на себя, как на один народ и относиться друг к другу, как к братьям“. К концу XVII (?) века украинские казаки признали суверенитет Польши, а донские поддались России. Но они сохранили свой прежний образ правления (régime) и часть своей независимости“. Волжские и Яицкие казаки остались, будто бы, независимыми в это время; наиболее независимые казаки отравились за пороги (очевидно, за днепровские пороги).

Затем Массон утверждает: „у казаков почти ничего нет общего с русскими, кроме православной веры и испорченного(!) языка“... „Казаки — красивее, выше ростом, деятельнее подвижнее, ловче и лично храбрее, чем русские, более открыты, горды и смелы в речах... Казачья нация потеряла мало по малу независимость, которую выговорила себе (s'était réservée) при соединении с Россией. С казаками перестали церемониться (mépager), как только решили, что их можно обижать безнаказанно“.

Повидимому, Массон говорит здесь об Украине, потому что вслед за этим сообщает, что восстание „великого гетмана Мазепы“, вызванное дурным обращением, явилось началом угнетения казаков при Петре I. Он отнял у казаков старинное право избирать гетмана. Преемники Петра щадили казачьи учреждения, чтобы не лишиться казаков, которые могли поддаться Турции, Крыму или Польше. После ослабления этих соседей казаки стали „рабами короны“... „Их прежняя республиканская конституция не существует более, и ра-

венство в их среде исчезло“. Им дали дворян, преградивши пути к чинам рядовому казачеству“... „Присоединение казаков к России было свободное и на условиях“... „Их земли — общая собственность казачьей нации. Никто чужой, даже русский, не мог на ней селиться... Некогда более союзники, чем подданные, казаки не платили никакой подати“ (tribut). „Они сами определяли число всадников, выходивших на службу“... Им стали делать переписи, лишили права выбора старшин, их посылают на бойню непрестанно, то в Персию, то на Дунай, то в Польшу, то в Финляндию... Постоянно повторяются попытки „растворить казачью нацию в русском народе, отделить от нее провинции“ (?). „Слитые в одно сь русскими рабами (assimilés aux esclaves russes), казаки перестали быть нацией в политическом смысле“ (former un corps de nation).

Массон слышал о событиях 1793-4 г. на Дону (восстание казачества при попытке оставить на Кубани донские полки, отбывшие там срок службы и переселить к ним их семьи).

Но его фантастический рассказ не имеет ничего общего с исторической правдой, и мы его опускаем. Источник его сведений о казаках нам не ясен, но на Дону он сам не был и писал по слухам. Не был ли он знаком с офицерами Лейб-гвардии казачьего полка, особенно с братьями Грузиновыми?!

Можно сказать одно, что редко кто из писателей этой эпохи — иностранцев, кроме англичанина Э. Д. Кларка, говорил с такой симпатией о казаках и их республиканском прошлом.

В 1802 г. вышла двухтомная книга „картина современной России“,*) автор которой, описывая Россию, сообщал, что „Черкасск это — столица Донских казаков, где происходят собрания этого народа“ (assemblée), и что необработанность полей на берегах Дона, на протяжении 807 верст, в пределах Земли Донских казаков, есть прямое следствие лености казачьей. Кто и как отвлекал донцев от обработки своих полей, автор не знал.

В духе совершенно противоположном Массону, описывал Дон французский военный инженер де-Романо**), проживавший на Дону в 1802-3 г. более года. В своем „Философическом взгляде на Землю Донских Казаков“, изданном в Милане, в 1807 г., де-Романо, помимо сведений о возможном соединении Азовского и Каспийского морей, о плане углубления донских „гирл“ и о работах в Старом Черкасске, дал обзор истории Донских казаков и современного ему состояния войска. Он указал, что Шерер в своих „Анналах“ говорил лишь об украинском и запорожском казачестве, „назвавши донцев лишь по имени, тогда как последние выставляют 40.000 чел.“...

Подобно многим, историю Донской Земли, Де-Романо начал от Скифов, Касахия и Алании Константина Порфиrogenета, цитировал мемуар гр. Яна Потоцкого (о происхождении русских народов), в котором утверждалось, что кн. Мстислав, победивши касожского князя, овладел К а з а к и е й, а его славянские подданные стали казаками. Сам автор „дерзновенно“, как он сам

*) V. C.*** (Corneyras) „Tableau général de la Russie Moderne et situation politique de cet Empire au commencement du XIX-e siècle“. P., 1802.

**) Ant.-Louis de-Romano, „Coup d'oeil philosophique sur le Pays occupé par les Cosaques du Don“, Milan, 1807, 2 vol. Де-Романо, служивший несколько лет в России в чине подполковника генерального штаба, специалист по гидрографии, был послан на Дон в связи с проектом Платова поднять уровень почвы станицы Черкасской так, чтобы улицы не заливались весенним разливом, водой идущей сверху и нагоняемой ветром с моря. Де-Романо предложил коренное решение вопроса путем углубления донских „гирл“ и отвода излишних вод в р. Маныч. Он вызвал недовольство атамана, подсчитавши, что при наличии отпущенных ему средств, понадобится 136 с половиною лет работы и 7 миллионов войсковых средств для осуществления атаманского плана. Де-Романо покинул Дон, а Платов перенес столицу на аксайские бугры, в теперешний Новочеркасск.

*) (Masson), „Mémoires secrets sur la Russie, Paris, an X (1802), 3 vol.

признается, считал донцев „помесью скифов с савроматами и многими другими народами, в том числе и славянами, но сильно переродившегося“ (*abâtardie*). Казаков пятизбязнских, качалинских и усть-хоперских он считал типом древних „савроматов-лазов“ (т. II, с. 103-119).

Де-Романо полагал, что спокойствием своим Дон обязан был России и ее регулярным войскам: самим казакам было-бы не под силу оборониться от соседних народов. Территорию Дона автор считал исконным достоянием великих князей русских (с X-го века), которое лишь на 3¹/₂ века попало под власть татар. Однако, казаков он всюду и всегда именует „нацией“, „казачьей нацией“.

Из за ограниченности места нет никакой возможности дать подробные цитаты из труда де-Романо*, но картина Донского края в начале XIX-го века, рисуемая беспристрастным свидетелем, вышла потрясающая! Ни звука не говорит он ни о республиканском прошлом, ни об автономизме, не говоря уже о сепаратизме. Но он изображает яркими красками и с глубоким сочувствием рядовому казачеству и к закрепощаемому крестьянству, разложение старого общественного уклада на Дону. Вся власть на Дону в руках самовластного войскового атамана, назначенного императором. 2000 верст отделяют его от столицы. „На таком расстоянии развивается деспотизм, и удушается правда; или ее направляют по таким путям, чтобы она никогда не достигла цели“. Маленькие люди, пытающиеся противостоять деспотизму атамана раздавливаются. „Можно быть главою казаков, не пользуясь доверием народа, — говорит де-Романо, — другой, хоть и грек родом, но нация ему доверяет“ (намек на кого-то из Греков, который был в оппозиции Платову). Путем назначения на службу по своему произволу атаман давит на всех, даже наиболее знатных; лишь немногие специальным высочайшим указом ограждены от атаманского произвола.

Социально-экономическая власть в крае в руках 30 знатных фамилий, захвативших в свои руки войсковые земли, населяющих эти земли беглецами из России, Польши и, особенно, из Малороссии. Десятки тысяч этих беглых умирают, но на их место идут новые волны. Ища свободы, они попадают в рабство к казачьей старшине. Закрепощено уже (в 1802 г.) официально 70.000 душ (мужского пола), на деле-же гораздо больше. Старшина добивается дворянского положения, все выборы в ее руках, она властвует над рядовым казачеством.

Гнет достигает такой степени, что единственной надеждой для рядовой массы является царь. Навстречу проезжающему на Кавказ генералу Кюррингу выйдут с прошениями сотни казаков, „как если бы он был спасителем казачьей нации“.

Центральная власть забыла о Доне, изредка насылая отдельных генералов по отдельным случаям. Войсковой прокурор, единственный чиновник из не-казаков, бессилен. Он „на Дону — единственное лицо, призванное охранять закон. Но может-ли один человек бороться против гидры, оживляемой кровью взяточничества“?.

Де-Романо предупреждал, что нельзя отдавать казаков на полный произвол атамана и новоявленной знати: „то, что доведено до крайности, может однажды проявиться так, что будет взорвано все, что казалось наиболее непоколебимым“...

Де-Романо видел спасение в назначении атамана из не-войсковых, а потому более беспристрастного, в превращении Земли Войска Донского в „провинцию Империи“ (в 1802 году она, по его мнению, не была таковою).

Можно по разному оценивать рецепты де-Романо, коими воспользовался лишь Николай I, но нельзя отрицать правдивости изображенного им полного крушения и прежнего политического устройства, и — особенно — всего социального уклада Донской Земли.

В 1806 году посетил Дон французский иезуит Гебер (Heber), рукопись которого была использована французским переводчиком в примечаниях к книге

*) Много цитат из нее мы находим у Сватикова „Россия и Дон“, с. 259, 261—271.

Кларка, в 1812 году.*)

Гебер говорит о казаках: „Состояние этого народа испытывает постоянные изменения. Со времени бунта Мазепы правительство не перестает покушаться на их привилегии. В эту эпоху они потеряли право выбирать „великого гетмана“ своего войска“... По поводу Донского Войскового Прокурора Гебер, воспроизводя, очевидно, жалобы казаков, отмечает, что „он назначается всегда из русских“ (не-казаков). А на дарование дворянства детям казачьих полковников, совершившееся при Павле I, казаки прямо указывали Геберу, как на „нововведение, стремящееся установить противоконституционную аристократию“... По мнению Гебера, „политическая конституция донских казаков сильно претерпела вообще — именно при имп. Павле.“

„Многократно замечено, — отмечал Гебер, что (Донские) казаки в высокой степени презирают москвитов“ (*souverainement méprisent les moscovites*). Подобно Кларку, и Гебер заметил, что дома донских казаков, хотя бы и рыбаков, очень чисты, а костюм казака гораздо чище, чем у русского*.

Так же благоприятны отзывы Гебера и о черноморских казаках: он говорит о „преимущество казачьего народа перед русским в смысле честности“: ружье, забытое в Екатеринодаре, было доставлено нарочным казаком в Тамань! Мы полагаем, что тут, помимо честности, проявилась и расторопность казачьего начальства.**)

К 1807-му году относится ученое путешествие Кларота на Кавказ и в Грузию через Землю Донских Казаков.***) Издано оно было в Париже лишь в 1823 г. „Их Земля, — писал о донцах Кларот, — не является собственно русской провинцией; она обладает собственным правительством и собственным особым образом правления, она повинует атаману или верховному начальнику, обращающему по всем делам непосредственно в Петербург. Этот образ правления (*forme du gouvernement*) дал казакам благородное чувство свободы, коего не найти, к сожалению, у других подданных Империи“... Это свидетельство человека науки, далекого от политики и желания возвысить казаков за счет русских, весьма любопытно!

В 1808 г. в журнале „La Bibliothèque Britannique“ появились письма одного (французского) путешественника из полуденной России. В 1810 г. они были изданы в Москве французским книгопродавцем-эмигрантом Бува на двух языках — по французски и по русски (в переводе Снегирева).*) Автор довольно подробно описал Землю черноморских казаков, дорогу от Тамани до Екатеринодара на Азов, Ростов, Черкасск (старый и новый) и Таганрог. Мы не можем помянуть здесь почти ни о чем из этого интересного для истории черноморцев сочинения,**) кроме того, что „черноморцы управляются по-военному своими собственными начальниками и законами под покровительством России. Независимая и беспечная жизнь их делает столь великую приманку для русских, что нередко случается видеть между ими крестьян из внутренней России, бежавших для того, чтобы избавиться от рабства“ (с. 144).

От Земли черноморских казаков и до Азова путешественник ехал Екатеринославской губернией (ростовским уездом). Автор поясняет: „Как донские казаки и до сих пор в малом находят доверии, то еще и не отдано им во владение берегов“ (Азовского моря от р. Еи до г. Азова), (с. 214). Как известно, берега моря вошли в Донскую об. лишь в 1887 г., после присоединения к ней Ростовского на Дону уезда и г. Таганрога.

*) Clarke, E. D. „Voyages en Russie“, Paris, 1812 г. I, в примечаниях ко многим страницам.

***) Clarke „Voyages“, Paris, 1812 v. I, pp. 299, 350, 387, 394, 467 (всюду в примечаниях).

****) Klapproth „Voyage au Mont Caucase et en Georgie“ Paris, 1823, v. I.

*) „Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море“, М. 1810 — *Lettres sur la Crimée etc.*

***) Автор говорит, что территория Екатеринодара — в 1808 г. — была равна Парижу, а жило на ней всего 4.000 чел. и из них не более 200 женщин (с. 178).

А. Н. Трофимов.

Страна казаков.

(Доклад, прочитанный 17 апреля в Париже, 24 апреля в Лионе и 5 мая в Клиши).

Зазорно ли знать свои Края?

Как общерусские организации, иль староказачьи общественно-политические „деятели“, так и Казачий Союз, в лице Н. М. Мельникова, в своих печатных органах и в выступлениях на публичных собраниях часто „клеимяг“ самостийников всякими ругательскими словами лишь за то, что они всеми силами, всеми доступными им средствами стараются дать казакам возможно полное представление о Казачьих Краях, об их географическом положении в мире, о богатствах, заложенных в недрах этих земель, о величине их территории... Говорят о возможности добывать средства к существованию, развитию и дальнейшему процветанию Союза Казачьих Войск — Казакии. Сравнивают все возможности, все за и против. Разбирают и во всеуслышание оповещают историю героического прошлого казачьего народа; смотрят вперед, не падают ниц перед возможностью будущих препятствий и зовут казаков прежде всего к единению в борьбе с большевиками, а потом — к созданию своего собственного государства — Казакии...

Если выводы их еще для некоторых пока быть может и неприемлемы, то разве преступление, когда казаки, с помощью этих самостийников, будут хорошо знать и сознательно разбираться во многих вопросах своего бытия, в вопросах, о которых раньше почти все мы, рядовое казачество, и не слышали или они не вставали перед ними? А кто знал их, тот, покорности ради перед „власть предержащими“, нам этого не говорил.

При этом следует всегда помнить, что никто нас насильно не собирается делать самостийниками, никто не насилует вашу волю и не может насиловать, а вам только предлагать знать самих себя, чтобы потом не делать снова тех ошибок, которые в былые времена привели нас к порабощению, а в недавнем прошлом — к бесполезной потере многих и многих сотен тысяч лучших наших бойцов, к потере своего отечества и к сидению за границей. Вам предлагают знать свои земли, узнавши — сознательно полюбить их; полюбивши — крепко связать себя с ними, быть полными преклонения и уважения к своей земле, полными сил к жертвенному служению казачьему народу.

Когда же вы поймете, узнаете, полюбите, когда проникнетесь верою в возможность создания своего государства; когда многие вопросы невольно, при знакомстве с ними, затронут на время заснувшее сердце казаков; когда откроется перед вами из бесед, докладов и чтения ясная картина былого, печальная — настоящего и возможность прекрасного будущего, — тогда вас никто уже не будет звать в стан самостийников. Вы сами будете клич давать всем, кто еще глух, кто слишком слаб, кто еще не в силах стряхнуть с себя страх перед „величием“ Москвы.

Это с одной стороны, а с другой — мы живем в такой исторический период, когда завтра возможно то, что так трудно было предположить вчера. Представьте себе, что перед нами открывается возможность быть дома. Хочешь или нет, а каждому из нас у себя на хуторе, в станице или в городе, где бы ты ни жил, ни при каких условиях не избежать участия в решениях насущных вопросов казачьей жизни, взаимоотношения казаков с Россией и со всеми соседями.

Никто из нас не сумеет отказаться от этого — один потому, что, мол, стар, другой потому, что молод. Эти причины никого из нас не избавят от участия в общественной и политической жизни нашего народа. К пожилому будут идти за советом, как к человеку уже пожившему и так просто горяча решений не принимающему, а к молодому — как к полному сил, энергии, задора, как могущему, быть может, еще повести за собой.

При решении того или иного вопроса дома будут говорить — да вот послушаем, что скажет такой то, он ведь побывал... Где он только не бывал — и в Тур-

ции, Болгарии, Греции, Германии, Польше, Франции... В Америке даже был. Видел кое-что, как там у людей происходит. Он вот нам и разрешит.

А этот „он“ — правда, побывал кое-где, видал не мало, но он совершенно незнаком со своими Краями. А ведь, чтобы советовать, чтобы принимать известные решения, надо не только знать чуждалные страны, но необходимо знать и свой Край, чтобы из сопоставлений прийти к тому или иному правильному решению на пользу своей страны. „Он“, каким выехал из дому, не зная своих Краев, их истории, их экономического положения, так с тем и вернулся. Что же „он“ им может посоветовать?

Ведь, положи руку на сердце, пусть каждый из нас, казаков, кто бы он ни был — генерал иль рядовой казак, пусть каждый скажет: много ли он знает о своих Краях? Если взять нас всех, то, быть может, из сотни найдется среди нас один, который может смело сказать — да, я стою за то-то и потому-то...

Некоторая наиболее инертная, „полумертвая“ часть казаков-„интеллигентов“ как то безразлично относится к вопросам казачьей жизни, иные хорошо знают лишь то, что они казаки и должны быть с Россией навсегда. А почему? Ну, да потому, что так было раньше. А почему так было раньше, когда началось это „раньше“, как было до этого и какими возможностями мы, казаки, обладали, чтобы не было так, как „раньше“, а так как нам самим хочется теперь, — „он“ не знает.

На наших казачьих собраниях разных политических оттенков уже не раз и не два делались доклады на исторические темы прошлого Казачества; говорилось и о том — как должно и можно мыслить наше будущее. Я сейчас хочу не доклад читать перед вами, нет — потому что я не настолько еще силен, чтобы делать доклад, а хочу произвести вместе с вами маленькую прогулку по своим Краям и, в пути, поговорить о Казачьих Краях, об их географическом и экономическом положении в мире. Насколько возможно, хочу поделиться с вами теми немногими сведениями по этому вопросу, какие я почерпнул все из тех же „проклятых“, как их называют, самостийных писаний, а отчасти и из других. Прочитал — вот и хочется поделиться с вами. Быть может кто не имел возможность прочитать, а кто просто не обратил внимания на данный вопрос.

Тема, как видите, интересная, но пусть простят мне слушатели, если освещение вопроса мной окажется „популярным“. Ведь всякое рассмотрение экономического положения требует приведения цифр, а они, ей богу, всегда скучны. Поэтому, и именно поэтому, смею думать, что многие из тех даже казаков, кто является постоянным читателем журнала „ВК“, когда ему попадает такая статья с кучей цифр, ее пропускают.

Чтобы не утомлять вас, чтобы не быть очень скучным, я не буду особенно злоупотреблять цифрами, а приведу их лишь в общих чертах, чтобы иметь возможность, все таки, провести известную параллель между нашей и другими странами. И, если из числа всех здесь собравшихся только для двух или трех человек это будет ново, — я удовлетворен.

Теперь я предлагаю вам взглянуть на карту наших Земель, хотя бы по обложке нашего журнала (за отсутствием географического атласа) и на минуту забыть, что вы за границей, мысленно перенестись туда, домой, и как бы сверху окинуть их все легким взором.

Посмотрите, как они, так называемой степной полосой, так широко и далеко пораскинулись: с одной стороны уперлись в берега Азовского и Черного морей, с другой как бы прижались к Кавказскому хребту, а там, на севере, гранича отчасти с болотистыми и лесными пространствами России, далеко, далеко, так далеко пораскинулись на северо-восток. Уперлись в предгорья Уральского хребта и, обогнув почти с двух сторон берега Каспийского моря, во всю ширь казачьей природы развернулись по соседству с Азиатскими народами.

Взглянувши на восток, обернемся назад и мы увидим, что как бы сама природа позаботилась о том, чтобы создать прямую путь общения народов запада и востока, проложив удобную дорогу отсюда морями к нам, а далее, степной полосой и реками, — путь на широкий восточный простор. Наш историк И. Быкадоров говорит: „с древнейших времен степная полоса, ограниченная с севера лесами, с юга Черным и Каспийским морями и Кавказским хребтом между ними, служила географическим корридорм, через который на протяжении многих веков продвигались различные племена и народы при своем продвижении с востока на запад, из пределов Азии в Европу“.

Это был естественный путь былых времен для народов Азии, движимых различными причинами, толкнувшими их в поход на запад. Знаем также, что много, много веков тому назад наши Края уже представляли место товарообмена между местным населением и купцами из азиатских просторов, с бойкими, подвижными, любознательными народами Греции, а затем и Византии. И кто только и откуда в те времена не был здесь и не вел свою торговлю. Одни шли морями с запада на восток; другие реками и сухопутьем с востока на запад. Тут были греки, арабы, персы, индусы; сюда же шли хивинцы, болгары и мордва; и даже далекие сибирские племена бывали здесь. На рынке того времени можно было найти „кожи, рыбу, мед, воск, хлеб, меха, шелк, восточные пряности, серебро, золото, драгоценности“ (Бейсуг).

И все это происходило здесь, в юго-западной окраине степной полосы.

Степная полоса — что это? Голая и безводная пустыня и больше ничего?! Мало было бы чем гордиться нам, если бы это было так. Вы видите, как ее земная поверхность едва заметно, но неуклонно-медленно на громадном своем пространстве имеет постепенный уклон к Азовскому и Каспийскому морям и даже отчасти к Черному морю, где, как бы отделяясь от Кавказского хребта, она низкой и ровной полосой прилегает к морю. В связи с таким положением поверхности, и реки наши принимают естественное для них направление: одни, как Дон, Донец, Маныч и Кубань несут свои воды в Азовское море; другие, как Терек, Кума, Волга и Урал впадают в Каспийское. Так что это не есть безводная пустыня, а Край с достаточным количеством полноводных рек, которые, как бы сговорившись, прорезают почти поперек наши земли. Порой, как бы с затаенной мыслью, близко сходятся друг с другом, как например Волга и Дон в районе Царицын—Калач.

Давайте поднимемся по ним вверх по течению до наших границ. Вы видите, что, Кубань, Терек, Кума и Маныч целиком находятся в пределах родной земли. Но вот Дон и Урал только верховьем своим, а Волга и средним течением лежит в пределах России. Нижнее же течение они целиком отдают Казачеству. Весной, в половодье, выйдя из берегов на простор лугов, они оставляют здесь свои драгоценные отложения, так влияющие на состав почвы, что воткни сухой кол и он растет. Эти весенние отложения, наносы, не мало пользы приносят нашим огородам, когда на небольшом куске земли можно взять всего „вдосталь“.

Итак, как будто и природа за нас, поделивши реки так, что Великороссии верхки, а нам — корешки. Но мы от этого ничего не теряем. Ведь район нижнего течения реки обыкновенно характеризуется образованием равнины, являющейся наиболее благоприятной для земледелия.

Степная полоса! Этот Родимый Край, Казачий Край, в довольно короткий исторический период стал районом, где земледелие так глубоко пустило корни, где не надо было затрачивать „египетский“ труд для очистки данного клочка земли от леса под посев, как это происходило на протяжении веков во многих из западно-европейских стран. Эта страшная, тяжелая, изнурительная борьба за землю между человеком и лесами еще и до сих пор ведется в странах, куда нам иногда советуют ехать (Южная Америка). У нас же громадная, покрытая на большом своем пространстве хорошим слоем чернозема, свободная от лесов и болот равнина, дает все условия для развития земледелия.

И наши недавние предки без учителей, без агрономов, без особой подготовки взялись любовно за нее. Много сил отдавалось ей, но мы знаем, как через короткий промежуток времени Земля Казаков стала в строй мировых поставщиков хлеба.

Побывавши в Европейских странах, повидевши их реки, мы говорим, что они хороши для сплава товаров, хороши как водный путь. Это их отличительная черта. Ну а наши? Наши реки прежде всего богаты обилием и разнообразием рыбы. Скажите, видали ли вы где-нибудь такое количество самой разнообразной рыбы? Видели ли вы, чтобы здешние рыболовы через час тащили бы полную „сапетку“ рыбы? И каких только нет! Если взглянуть на всю ту рыбу, что в наших реках и гирлах ловилась, так и перечислить нет сил. Вот посмотрите: тут белуга, осетр, севрюга, тут стерлядь, белорыбца, сельдь, пузанок, сазан, судак, а вон — вобла, кефаль, таловарка, рыбец, а там — кираль, чехонь, шамая, камбала, барабули. Ну, да разве же все перечтешь! Нет, я только немного напомнил, вам, чтобы воскресить в памяти картину недалекого прошлого и чтобы вы осознали, что воды наших рек, озер и морей слишком богаты, чтобы мы дорожили ими, чтобы мы нашли в себе силы снова взять их, и... никому, никогда и ни за что потом не отдавать!

Но это не все, чем хороши наши реки. Мы имели бы право быть недовольными природой, если бы это было так.

Обладея таким громадным рыбным богатством, наши реки еще хороши и не всегда уступают европейским рекам и в вопросе сплава, в вопросе дешевой переброски водным путем всевозможных грузов. Пересекая, как я говорил, наши земли почти поперек, они являются в то же время и прекрасными торговыми путями. Вспомните, как в былые времена возле некоторых станиц в летнее время грузилось по несколько барж ежедневно хлебом, или как идут нескончаемые вереницы плотов с лесами, а по Волге, как лебеди, с далекой Камы плывут беланы.

Все это шло вниз по рекам на распределительные пункты или к морским берегам, а отсюда уже уходило дальше — часть для местного потребления, частью для отправки за границу и на внутренний рынок России. Навстречу им, вверх по течению, идут пароходы со стаей барж. Это все товары, фабрично-заводские продукты, сельско-хозяйственные машины, уголь, нефть и прочее.

Смотрите, как почти все далеко раскинувшиеся в степи станицы и хутора тянутся сюда. Идет торговля, происходит обмен товаров. Везут хлеб, кожи, шерсть, жиры и пр.; получают материю, фабрично-заводские товары. Жизнь кипит и бьет ключом.

Вы видите, какую видную роль играли реки в жизни нашего народа, как они связывали между собой самые отдаленные уголки. Так было недавно. Но мы должны осознать, что эта их роль еще ярче выразится в будущем, когда мы, а это неизбежно, создадим свое государство, Союз Казачьих Республик — Казакию! И тогда они сыграют одну из важнейших ролей в экономической жизни нашего казачьего народа. Значение их усилится в такой степени, о которой сейчас и представить трудно, когда Волго-Донской канал соединит бассейн Волги с Доном, а тем самым — с западными странами, когда создастся непрерывный водный путь с Востока на Запад через наши Земли и обратно.

Не говорите, что это невозможно. Не говорите, что это неосуществимо. Не забывайте, братцы, что мы живем в такой период времени, когда то, что вчера было сказкой, завтра — быть. Не так давно Панамский канал был мечтой, над которой смеялся мир, а теперь он соединяет два океана, давая хозяину такую прибыль, о которой и не мечтали.

Так делают иностранцы. А мы? Или мы — отбросы рода человеческого, или застыла в нас кровь казачья?! Мы все должны учесть и, если найдем что нужным, неотложным, необходимым для процветания нашего народа, мы не должны останавливаться ни перед какими затруднениями. Мы должны отдать все, но добиться процветания Родимого Края.

Имея связь со многими уголками нашей земли, наши реки в союзе с железными дорогами дадут нам возможность перебрасывать по ним товары к портам Азовского и Черного морей, а через них водным же путем, как наиболее дешевым, — в порговые центры Европы. Чтобы иметь некоторое представление о том, насколько водный путь дешевле сухопутного, я приведу вам маленькую выдержку из статьи инж. Бейсуга („В. К.“, № 28 — „О географическом положении Каз. Земель“):

„На пороге XX ст. перевозка хлеба на небольшом расстоянии Чикаго—Нью-Йорк обходилась в 2½ раза дороже, чем перевозка его через весь Атлантический океан из Нью-Йорка в Ливерпуль; перевозка 60 пудов хлеба на 2000 кил. по суше обходилась перед войной в среднем 50 австр. крон, по морю 5—6 крон“. Водный путь на одно и то же расстояние удешевляет почти в 10 раз стоимость перевозки.

Вот то значение будущего наших рек, вот та выгода близкого соседства нашего Края с морями, вот одна из причин — почему так цепляется Россия всех цветов за этот казачий уголок. Если России наш Край необходим, так нам, казакам, тем паче — мы тоже знаем цену ему, мы тоже хотим им владеть, мы тоже хотим жить богато!

Ознакомившись отчасти со значением наших Земель в роли связующего звена между Западом и Востоком, давайте бросим взгляд в направлении Севера и Юга. „Если взять направление на Север, то и здесь артерия Волги служит прекрасным водным путем, ведущим в промышленные центры, обеспечивающие большой спрос на сырье“.

Остается направление на Юго-Восток. „Каспийское море — мост в Туркестан, Персию, вообще на „Восток“. Если бы промышленность Каз. Земель развилась и нуждалась бы в экспорте, то это направление даст перспективы и для вывоза товаров. Конкурировать готовыми фабрикатами с облеченной во всеоружие техникой Западной Европы вообще трудно, но конкурировать в упомянутых землях близкого Востока вполне возможно: где нельзя будет взять качеством, можно будет взять дешевой ценой, в значительной мере зависящей от дальности, а следовательно и стоимости доставки“. Возможность использования водных путей дает возможность сберечь те миллионы, которыми оплачивается всегда транспорт по суше“ (Инж. Бейсуг „В. К.“, № 28).

Таким образом, вы можете видеть, что наш Союз Казачьих Республик — Казакция — с точки зрения даже чисто географически-торгового положения не допускает возможности между нами какого бы то ни было раздела, исключает всякое недружелюбие. Порозынь каждый из нас мало что значит. Только совместная работа, только дружный союз, только общеказачий интерес перед державами мира сделают нас сильными, богатыми и заставит считаться с нами, как равными себе.

Ведь наши Земли могут не только играть роль промежуточного пункта при торговле других, не только служить дорогой, через которую будут проходить чужие товары, а вы только будете брать плату за провоз. Нет, они, в силу тех неисчислимых и в таком разнообразии находящихся на поверхности и в недрах их богатств, о которых мы поговорим дальше, как хлеб, уголь, нефть и пр., они, даже если бы казаки и не хотели этого, будут втянуты в мировой товарообмен. Много ли вы можете указать таких стран, где бы все это было в достатке: хлеб, уголь, нефть, лес, рыба, скот? А наши Земли имеют все это в громадных размерах. Надо преодолеть все, но добиться возможности поднять свой стяг над ними.

Что же касается климатического состояния наших Краев, то, думаю, что многие из существующих в мире государств могут позавидовать нам. Много ли на земном шаре таких государств, где можно было бы найти такое сочетание, чтобы были, с одной стороны — сибирские снега и трескучие морозы, покрывающие реки аршинной толщины льдами, а с другой — район, где апельсины зреют, где можно разводить чайные плантации, где можно выращивать собственный хлопок и рис.

Итак, мы с вами окинули легким взором Казачий Край; посмотрели, где он находится, к каким морям и

горам прилегает, какие реки пробегают по его пространству, как он хорошо устроился на земле, что в одно и то же время может быть и передатчиком и участником в процессе мировой торговли; ознакомились немного с климатом. Давайте теперь взглянем на карту и разберемся — что же представляют из себя эти Казачьи Земли, этот проповедуемый нами Союз Казачьих Республик — Казакция, что он представляет из себя по величине занимаемой им территории. Осмотрим попутно и другие государства, чтобы иметь возможность сравнить, обсудить и сказать — да, мы не так то уже малы, как нам кой-кто говорит.

Вот как рисует ее редактор журнала „В. К.“ в своем очерке „Казачьи Земли“ (И. Билый, „В. К.“ № 19—23):

Территория Казачьих Земель и Европейских государств.

Казачьи Земли:	Пространство в тыс. кв. клм.
Шести Европейских Каз. Войск.	870
I. Войска Донского	208
II. Войска Астраханск. и Калмыцкого	107
III. Войска Уральского	286
IV. Войска Оренбургского	129
V. Войска Кубанского	111
VI. Войска Терского (Левобереж. Тер.)	29

Территория Европейских государств:

1. Европейская часть СССР	4.603
2. Франция	551
3. Германия	472
4. Испания	505
5. Украинская ССР	452
6. Великобритания и Ирландия	315
7. Италия	313
8. Польша	386
9. Румыния	316
10. Юго-Славия	249
11. Чехо-Словакия	142
12. Болгария	103
13. Португалия	92
14. Венгрия	93
15. Бельгия	30
16. Нидерланды	34
17. Эстония	48
18. Латвия	66
19. Литва	48

Легко можно заметить, что земли Казачьих Краев по величине занимаемой ими территории, больше чем такое Европейское государство, как Франция (без колоний) на 319 тыс. кв. кл., почти в три раза больше Англии, Италии. Одно лишь Войско Донское в два раза больше Болгарии, почти в 7 раз больше Бельгии. Территория наших Краев больше чем Германия, Югославия и Чехословакия вместе взятые.

Когда вы внимательно посмотрите в эту сравнительную таблицу территориальной величины наших Казачьих Земель по сравнению с другими Европейскими государствами, то, не вдаваясь пока в рассмотрение их богатств, можете спокойно себе ответить — можно ли нам, казакам, иметь свое государство; не слишком ли малым куском земли мы обладаем, чтобы добиваться этой цели? Посмотрите, — многие из приведенных в таблице государств чуть ли не в 20 раз меньше нас по занимаемой ими земельной площади, а живут и не тужат и даже называют себя „Великой Нацией“... Болгария, которая меньше Кубанского Войска, хочет ли она, Болгария, быть под чьим либо владычеством? Никогда и ни за что!

Эстония и Латвия, одна из которых в 18, а другая в 13 раз меньше нас, хотят ли они снова очутиться в беспорядном положении в составе России, хотят ли они снова влиться в лоно Москвы? Нет! Они имеют достаточно мужества, чтобы отделиться, достаточно осознанной любви к своему отечеству, преданности своему народу, непреклонной воли к свободе, чтобы в период мировой передышки твердо и смело заявить и отстаивать свое желание быть самостоятельными. Они откидывали всякую попытку снова влиться в состав „могучего государства“ или идти под покров того или иного соседа.

У них есть спайка, любовь, идея, царящая над всем остальным и объединившая их. Надо, казаки, брать пример с таких народов. Не разбредаться по партиям (тем более по чужим!), стать всем на одну общую, так близкую, так родную нам дорогу, ведущую к воссозданию нашей Родины — Союза Казахских Республик — Казакии. Предоставьте печалиться и заботиться о России самим русским — их много и они достаточно сильны, чтобы не нуждаться в нашей помощи. Не суйте нос туда, куда не надо. Две собаки дерутся, третья не лезь, а то тебе же влетит. На все сто процентов мы это испытали на себе, когда толкаемые нашими руко-

водителями, пошли избавлять русский народ от им же самим признанной власти. В результате нас били всяко по своему — и красные русские и белые русские. Бросьте раз и навсегда эту кровавую, но бесполезную и страшную для нас дорогу. Все иди на одну дорогу — Казачью, все во единый Круг — Казачий, несите свои знания, энергию и, если потребуется, то и жизнь, но только на защиту народа Казахьего!

Да ведь и есть для чего нам жертвовать, есть к чему стремиться, есть за что „живот“ свой положить.

(Продолжение следует).

М. Минаев.

Больше веры и бодрости!

(Речь на розговенах 1 мая в Братиславе).

Христос Воскресе! Дорогие гости, станичники и станичницы!

Сегодняшний торжественный день православной церкви невольно переносит наши мысли в наши родные края. Вспоминаются и широкие степи, и Тихий Дон, и Кубань многоводная, и Бурный Терек, и Яик, и широкая могучая в своих низовьях Волга, и грозный Каспий и Синее море; вспоминаются родные хутора и станицы, утопающие в зелени и цветах наших садов и лесов, которые теплое весеннее солнце снова пробудило к радостной жизни; станичные церкви с торжествующим пасхальным звоном; близкие родные, с которыми мы в роковой день перехода границы своей родной земли с глубокой скорбью и болью в груди расстались.

И вот уже 12 лет мы здесь скитаемся по чужим странам, и каждый год в этот день нами овладевает особенно глубокая грусть и особенно острая тоска по родине. В этот день каждый из нас особенно болезненно чувствует утрату своего родного угла, своего края, своего отечества.

Мы, казаки, слава Богу, патриоты в полном смысле этого слова. Каждый казак в своих письмах домой с далекой чужбины прежде всего посылает земной поклон краю родному; при воспоминании о родине думает прежде всего о всей земле родного Войска. Иными словами, казак душой ощущает свое отечество во всей полноте — и в общем, как целое, и в подробностях, как свои родные станицы и хотора, в которых прошло его детство и период сознательной общественной жизни.

Поэтому мы грустим в этот день и о трагической судьбе наших родных краев и о своей личной жизни.

Но этот день Христова Воскресения, день жизни над смертью, день торжества правды над неправдой, добра над злом, день светлой душевной радости, вселяет в нас надежду на то, что и в родных наших краях невзгоды пройдут, и казачья правда восторжествует.

Ведь и этому торжеству Воскресения предшествовали тяжелые испытания. На прошлой страстной седмице в нашем религиозном воображении проходила картина тех событий, которые закончились торжественным воскресением из мертвых Освободителя греховного человечества Христа.

Там были и бешеная ненависть и злоба первосвященников, книжников и фарисеев, и предательство одного из близких учеников и последователей Иуды, и умывание рук представителя власти, и физические оскорбления злобствующей толпы. Потом распятие, крестные муки и смерть.

Глубокая вера в абсолютную правоту своего учения, непоколебимая сила воли в исполнении предначертанного послания, сила духа победили все, и правда восторжествовала — Иисус поразал жало смерти.

В этом мы должны найти для себя источник бодрости и сил, чтобы не пасть духом в нашем настоящем послании. Судьбой суждены нашему поколению великие испытания. Мы лишились своей родины и рассеялись по всему свету в качестве чужих, никому ненужных, а многим в тягость бесправных эмигрантов.

Но мы, эмигранты-казаки, принесли с собой сюда,

на чужбину, судьбу своей родины, или, во всяком случае, значительную долю этой судьбы. От наших дедов и прадедов мы получили родовое наследство, которое обязаны передать будущим поколениям. Предки наши передали нам широкие привольные степи, многоводные реки, воспитали нас в любви к родным краям, к свободной жизни. Огромное богатство было нам передано, и мы его потеряли.

Если мы хотим быть верными Казачеству, если мы хотим честно исполнять завещание дедов и прадедов, если мы хотим остаться прочным звеном в непрерывной цепи поколений прошлых, настоящих и будущих Казачества, если мы хотим, чтобы Казачество не погибло, мы должны стать на путь активной борьбы за утерянное наследие, должны все силы приложить к тому, чтобы это наследие предков было полностью, без каких либо потерь, передано нашим преемникам. Это наша обязанность, наш долг по отношению к Казачеству. Каждый казак эмигрант должен это осознать, воспринять и долг свой исполнить.

На пути к этой великой цели лежит много препятствий. Иногда кажется, что такой путь неосуществим. Но вера в правоту своего дела и непреклонная твердая воля побеждают всякие препятствия. Наперед можно сказать, что на пути освобождения казачества от рабства встретятся и свои казачьи Пилаты, умывающие руки от ответственности за судьбу казачества и занимающие нейтральное положение в среде казачьей эмиграции; будут и первосвященники, книжники и фарисеи, которые проявят бешеную злобу и недовольство тем, что делается, хотя и для блага казачества, но не по их указке и не согласно с их целями и намерениями; появятся Иуды-предатели казачества, продающие интересы казачества в руки его противников; будут казаки хорошие по природе своей, всей душой преданные Казачеству, но которые на чуждых казачеству политических дворах трижды отрекутся от него, когда наступит время активной борьбы и жертв...

Но все это не должно смущать истинных сынов Казачества, все это неизбежно и все это также неизбежно потерпит поражение, и вольное, освобожденное Казачество снова возродит свою государственную жизнь, а наше поколение искупит свое преступление перед поколением прошлым.

Уже теперь наблюдаются признаки успеха освобождения политическая работа. Вольно-казачья мысль русской эмиграцией была заклеена презрительной кличкой предательской и изменческой. Не так давно, 12 марта, в Париже русское общество „Петроградское землячество“ уже сплочно и внимательно выслушало доклад полковн. Жукова о казачьем сепаратизме. Мне лично, как бывшему питомцу Петербургского университета, было особенно приятно и отрадно прочитать это и убедиться в том, что не все русские люди питают безотчетную и неосновательную злобу и ненависть по отношению к казакам за то, что они любят свою родину и хотят видеть ее свободной и счастливой. Рост вольно-казачьих организаций, их активность в среде казачьей эмиграции свидетельствуют о том, что это дело правое и что для осуществления его за вольными

казаками последует вся волевая казачья эмиграция. А в этом залог успеха борьбы за нашу родину и ее свободу.

Надеемся, что начатая борьба закончится успешно, и распятое Казачество, терпящие крестные муки от своих поработителей большевиков, воскреснет снова к самостоятельной жизни в своих родных краях. И снова по широким степям полетит веселая звонкая песня казачья, серебряным колокольчиком зазвенит подголосок, с колокольни станичной раздастся победный, тор-

жественный звон пасхальной седмицы казачества, а мы, ныне бесприютные изгнанники, в родной среде будем приветствовать друг друга и с праздником Светлого Христова Воскресения и с радостным праздником возрождения былой старины вольного казачества.

Сегодня православная церковь пела: „да воскреснет Бог, и расточатся врази его“. К этому мы прибавим: „да воскреснет в наших душах дух свободы, равенства и братства наших доблестных предков и да рассеются все вражеские силы казачества“.

Думы и мысли.

Олександр Півень. (Югославія).

Російський аршин.

Глузують, кепкують
Усі з козака,
Що вдача козача
Негарна, бридка;
Козак-самостійник,
Козак — „грубіян“,
Стоїть — не рухнеться,
Як той „істукан“;
Не зна, коли сісти,
Коли треба встати
І як треба „пана“
Як-слід привітати;
Забув, як і руки
Держати „по-швам“
І як „козиряти“
„Великим панам“.
Не так він і ходить,
Нерівно й лежить;
По стежці не прямо,
А криво біжить;
І ростом невдатний,
І видом гідкий;
Однім він нелюбий,
Другім він бридкий.
Хитрують, мудрують
Усі, як один,
Щоб змірять козацтво
На „вірний“ аршин.
Коли хто високий,
Униз щоб пригнувсь;
Коли хто низенький,
Уверх щоб попнувсь;
Де хоче він бігти,
Щоб рачки там ліз;
Коли ж іде тихо,
Летів щоб, як біс;
Надумає спати,
Щоб рівно лежав
І ноги щоб прямо —
Аршином держав.
Удача козача
Для всіх нетака, —
На свій хочуть змірять
Аршин козака;
Щоб був він на міру
Один у один, —
На той „православний“
Російський аршин.
Козак не од того,
Нехай буде й так, —
На всякую міру
Удався козак.
Козак не злякався,
На все він рішивсь,
Та лихо, що вірний
Аршин загубивсь.
Шукали аршин той
Російські пани:
І Дума й міністри,
І всякі „чини“;

Шукали, блукали
І били у дзвін:
Дурна була праця, —
Пропав десь аршин!
Взялися міністри
Зробити новий,
На всю щоб Росію
Був добрий — зручний;
Старались, хватались
Та — де правду діть?
За діло так брались,
Як мокре горить.
А Керенський кинувсь
Усім помагати,
Щоб діло те швидче
Гуртом змахлювати;
Кричав, біснувався,
Та злавив на верх,
(Бо він же прем'єр був,
Та ще й главоверх),
Та як не вовтузивсь,
Як дуже не прів,
А тільки аршин той
У їх не вкипів;
Вкінці заходився
Зробить його сам,
Та щось перебачив, —
Пішло все к чортам!
Обтяпав „товариш“
„Народний“ аршин, —
Боживсь, вихвалювся,
Дияволів син,
Що тільки у його
Та міра справжня,
Що правду й свободу
Усім дасть вона;
Що справді в аршині
Шіснадцять вершків,
І буде він добрий
Для всіх козаків;
Що всіх він перевірить
На міру свою,
І жити всі будуть,
Неначе в раю.
Козак мов би й вірить,
А думка своя:
„Чи цей буде вірний,
Чи — у буржуя?“
Коли ж стали мірять,
Все вийшло не так,
До чого издавна
Привик наш козак;
Багато в тій мірі
Неправди й гріха,
Та ще й на козацьке
Добро зазіха.
Ой дорого стоїв
Козачеству він —
Отой большевицький
Преображий аршин!

Казать про те довго, —
Весь світ добре зна,
Яка з того вийшла
Кривава війна.
Аршин був на цурку
Козак поломав;
„Товариша“ в шию
Далеко прогнав;
Та видно судилась
Недоля гірка,
Бо лиха ще більше
Було в козака;
Взялись коло його
Другі мудрувати, —
Досталось багато
Ще муки зазнати.
Побачив він далі
Ще й других „старшин“,
Що мірять хотіли
На свійський аршин;
Що силою брались
Зрівняти козака,
Татарина, горця,
„Хохла“ й мужика;
А що з того вийшло,
Усім видно нам:
Згубили народ свій
В корясть ворогам!
Сказати би всю правду,
Та нащо чіпати?
Для чого козачі
Болячки довбати?
Одно сказати треба:
Великий то гріх,
Як мірять хто хоче
По своєму всіх;
Коли хто мудрує,
Як той большевик,
Що мучить народ наш
Дванадцятий рік;
Не хоче дати людям
Ні жить, ні дихнуть,
Щоб разом в комуну
Усіх повернуть...
Тепер козак знає,
Побачив давно,
Що лихо не в двері,
А влізло в вікно;
Дознавсь, розібрав він,
Відкіль що взялось,
В козацьке як тіло
Те лихо впилося;
А тут, в самотині,
В чужому краю,
Заглянув він в серце
І в душу свою;
І серце сказало
Із самих глибин,
Що всім напаскудив
Російський аршин!

Атаману Толстову.

Надеюсь, г. Атаман, что помещая свою статью или обращение „К Вольным Казакам“ в журнале „ВК“, Вы ожидали и ответа. Допуская в своем обращении порой подтрунивания, порой как бы недовольство, иронию, граничащую с насмешкой, порой недоумение, порой как бы веселую, но в то же время колкую „издевку“ не только над вольными казаками, но и над отдельными Войсками в целом; позволяя себе все это подчас довольно резкое отношение к другим не только отдельным сочленам казачьей семьи, но и Войскам, надеюсь, что Вы не будете в обиде, если, отвечая Вам, я при всем своем желании избежать этого, иногда допущу не иронию или что либо умаляющее Ваше достоинство, а некоторую... прямолинейность в выражениях.

Много самых противоположных, разнохарактерных, ярких, зачастую противоречащих меж собою чувств вызвало во мне Ваше письмо „К Вольным Казакам“. Прежде всего был удивлен приятно, увидев, что статья принадлежит перу Войскового Атамана Яицкого Войска.

Войсковой Атаман и журнал „Вольное Казачество“! Наконец-то хоть один из Войсковых Атаманов не счел за унижение для себя снизить с пьедестала атаманской высоты, стать, без боязни унижить или загрязнить престиж Атамана близостью вольных казаков, так просто, как казак стал в самую гущу вольных казаков и... заговорил громко, отчетливо, безгранично веря в правоту своих взглядов.

Знаю и понимаю, г. Атаман, — много прожито Вами, много дум в голове пролетело, много чувств порою горько мучительных вынесло сердце... Воспоминания былого встали перед взглядом; уныло-печальные, беспросветно-безрадостные картины теперешних дней заставляют сжиматься с болью сердце Атамана. Потеряна Родина, нет семьи, народ в изгнании, кругом разлады, тяжесть бесправной жизни на чужбине, и... нет просвета как будто впереди.

Но... молодежь казачья и те, что немного постарше их, кого раньше „не знали“, те... оттуда из гущи, из рядов Казачества... говорят, бурлят; повсюду в мире слышен голос их — „жить хотим, смерти не боимся, но умирать без толку не желаем; жить, жить по казачьи, как нам завещали деды!“ Хочешь иль нет — тормозят; согласен иль нет — уши не заткнешь. Хочешь забыть, отмахнуться — нет, тянет что-то, пока еще не совсем понятное... вместе с тем и будто родное, свое и... будто чужое... Нет, не чужое, свое казачье... И до дерзости смел и настойчив их зов, их призывный набат. И чудится мне, будто борются в Вас, г. Атаман, чувства казака по крови с военным человеком, долгое время прожившим в центральной России, где Вы учились...

С одной стороны, рассматривая деятельность руководителей „белого движения“, „крепко связанных со всеми старыми идеями“, с их, как видно, неодобряемым Вами стремлением „во чтобы то ни стало вскарабкаться на верх“, при полном отсутствии желания дать что либо народу, кроме „обязанностей и долга“, Вы во многом с ними расходитесь и откровенно говорите, что все это вызывает в Вас только „чувство обиды за Казачество“ и... сближает Вас с Вольным Казачеством. Здесь берет верх над всем сознание, что Вы, г. Атаман, прежде всего казак и обида всему Казачеству Вами воспринимается, как обида и для каждого казака. Поэтому Вы, как казак, не боясь никого, смело говорите об этом в нашем журнале. У нас, вольных казаков, это Ваше заявление вызвало вполне естественное и понятное к Вам чувство благодарности. Благодарствуем Вам, г. Атаман — знать не застыла еще кровь в жилах старого казака.

Но чувство-чувством; обида — обидой; сожаление, горечь и сознание неправоты руководителей белого движения, протест — все это так. Но... долгое пребывание в школах России, служба там, обязанность „долг сыновнего служения“ ей, образ былого величия русской державы, обида за нее сделало свое дело и оно то вступает в борьбу в Вас с кровавым чувством казака и порой отодвигает его на второй план. И тог-

да впереди встает мечта — Россия, для России, с Россией...

И тогда то вот смелый порыв вольных казаков, их смелый клич стать всем под стяг казачий, их вера молодая в свою идею, их убежденность в своей правоте кажутся Вам „химией“ и Вы, правда не всегда, но порой, подчиняясь силе мечты о России, слушая нас, испытываете неприятный привкус „дегтя в меде“. Тогда вот для Вас становятся совершенно неубедительными исторические факты прошлого, неоспоримые доказательства происхождения казаков от казаков. Тогда уже ни история, ни географические карты, ни описания поездок ученых давно минувших времен в Страну Казаков для Вас становятся неубедительными и Вы производите их, казаков, от беглых, бесправных, забытых, рабки униженных людей Руси, набравшихся вдруг откуда то такой храбрости, понятия о чести, сознания гордости человеческого достоинства, подвижности и отваги, чтобы пуститься в неизвестные дали и образовать здесь свободное, славное в жизни и в боях Казачество.

И не глядя ни на что, Вы вполне убежденно говорите, что „кровные“ казаки есть не что иное, как отпрыск „волевого элемента народных масс, населявших пространства б. России“. Производя себя от „волевого элемента“ России и как будто считая для себя это известное рода достоинством, гордый сознанием того, что мы, казаки, не просто от русского народа, а от лучших представителей — „волевого элемента“, — зачем Вы, г. Атаман, так обрушиваетесь на Войско Донское? Зачем и на каком основании и с какой целью Вы сыпите целый ряд упреков Ему? Что за причина такого неприязненного, насмешливого взгляда на Дон, что и вся то „государственность Его оказалась в приобретении рабишек, холопчишек-мужичишек“?

Тут в нескольких строчках Вашего письма так много противоречий, так много у Вас спора с самим собой, такая борьба чувств, понятий и убеждений, такая разногласица, что трудно даже уследить за Вашей мыслью. То Вы с достоинством и как бы с гордостью производите себя отпрыском „волевого элемента“ России; то тут же хлещете его самыми бранными словами, что он мужичишка, холопчишка и рабишка, что он, в общем, ни к черту негодный человек. А минутой раньше утверждаете, что вот от этого „волевого элемента“ все у нас и повелось — и наше „общинное устройство“, и „сила и упорство“, и „проявление дисциплины... когда можно столкнуться со смертью нос с носом“, и желание „жить вольно и по своему“.

Неужели, по Вашему, все это дал Вам этот „волевой элемент“ России? этот в то же время, по Вашим же словам, рабишка, мужичишка? И зачем Вы это бросаете в лицо Войска Донского, зная, что донские казаки, даже по утверждению не-вольных казаков и русских стариков, жили, были и участвовали уже в боевых сражениях еще в 1380 году, когда еще ни самой России, как таковой, ни крепостного права, а с тем вместе и этих рабишек в ней не было? Вы также должны знать, что лишь в более позднее время эти забытые, бесправные люди шли иногда из России на Дон и находили там братский приют. Знаете также, что не они есть корень Казачества, и что право казака давалось приговором Войска не всем, а лишь тем, кто достоин был того.

Зачем, почему и для чего Вы бросаете Дону обвинение „в расслоении казаков на богато одаренных землей и мало одаренных“? Зачем Вы валите все с больной головы на здоровую? Ведь Вы же не можете не знать, кто и когда это делал? Не нужно много усилия, чтобы понять, зачем это делалось.

Как больно, досадно и обидно становится за Вас, г. Атаман, когда Вы, вероятно, все это выбрасываете лишь под впечатлением минутного чувства горечи при воспоминании о несчастьях Уральского Войска. Сами Вы зовете не расстраивать и не раздражать свои душевные раны и ризы. Так подайте же пример. Тем более не надо делать того так беспричинно.

Я не удивился бы, если бы слышал это от не казака, для которого история Дона — пустой звук. Но Вы — Атаман?! Не могу же я допустить, что Вы знакомы

с ней лишь настолько, чтобы говорить, что вся „государственность его сказала лишь в приобретении рабишек“, забывая о том, что было два века назад и в наши дни, в период революции?

И Дон заносчив и Дон — продукт рабишек, и Дон — досыта переполнен московской закваской. Словом, Дон — такая ерунда, что и казачьим его, по Вашему, стыдно назвать. И тут, гордый тем, что у Вас на Яике этого нет, что лишь вы в чистоте сохранились, Вы, опровергая все свои доводы про „волевой элемент“, говорите: „Слава тебе, Яик Горыныч! Ой, да и умен же ты был, что московскую заквасочку не принял и в чистоте своей сохранился!“

Здесь снова ярко встает чувство неподдельного казака, отбрасывающего от себя все „волевые элементы“, всю связь с русским происхождением — Вы не миритесь даже на „московской заквасочке“ и величаете Яик в его чистом, славном, привлекательном и любимом для Вас виде. Так хорошо, так дорого и величаво это изъятие своего преклонения перед своим родным, близким и дорогим Вам Яиком, что диву даешься — почему же Вы, Атаман, не цените такого же чувства у других, почему Вы так ропщите на Дон, почему не волнует Вас обращение донцов к своему Отцу Седому, когда они, зная себя, несут Ему хвалу, говоря:

„Ну и горд ты наш Дон Иванович,

У Москвы как жить не спрашивался!...“

Беда то, ведь, общая у нас — „Ой, да умен же ты был... Московской заквасочки не принял“. Это — у Вас. А у нас — „У Москвы как жить не спрашивался“. Все это, как у нас, так и у Вас, было, да не стало. А мы, вольные казаки, зовем всех казаков к тому, чтобы не только было, но чтоб и стало; к тому, чтобы иметь потом право сказать, что мы достойны своих предков, что Дону Ивановичу и Яику Горынычу не придется уже больше краснеть за своих детей.

„Что умного, говорите Вы, и дальновидного было и есть в лозунге „пригребай к своему берегу“, хотя бы он выражал всенародное настроение Всевеликого Войска Донского“.

Ну, а что, скажите пожалуйста, г. Атаман, умного и дальновидного в лозунге: „пригребай к чужому берегу“? Что дальновидного в зове бросить свой берег и грести туда на север дальний? Когда же Казачество находило свое счастье там?

Иль плохо, по Вашему, если Яик с Оренбургом, Войском Астраханским и Кубань Вольная с Доном Ивановичем все дружно станут в Круг Казачий и все, как один, будут грести к своим казачьим берегам, все будут заботиться о счастье и благополучии объединенного Казачества, а не тянуть куда то на север? Иль плохо быть равным среди равных, где нет ни старших, ни младших, где всяк казак — Атаман?

Таков зов вольных казаков, которые не собираются с усмешечкой выпроваживать и калмыков из Страны Казаков в далекую Зюнгарию. Да и как то странно слышать это впервые от Вас, казака Яицкого Войска. Ведь никто раньше этого не заявлял. Уж на что Н. М. Мельников — не любитель всего казачьего, всего, что есть в казаках; на что уж он хорошо умеет ругать и разносить, но и тот этого еще не предлагал.

Да и как, почему и для кого это надо? Ведь мы то, донцы, уж лучше, чем кто бы то ни было, знаем своих калмыков. Долго жили вместе, вместе радовались и страдали, вместе шли смерти навстречу и вместе пьем горькую чашу изгнания, но никогда неприязни друг к другу не питали и не питаем. Спросите у тех офицеров-казаков, что служили в калмыцком полку и Вы не услышите от них ничего, кроме выражения самого искреннего дружелюбия, кроме самого хорошего отзыва и хороших воспоминаний о службе с ними. Вместе с ними шли в бой с большевиками, вместе отступали и видели, как их семьи, также как и наши, сотнями гибли в дороге. Шли, падали в бою, гибли в дороге они не как калмыки Зюнгарию, а как казаки. Мы же, донцы, не смотрели и не смотрим на них так, как Вы.

Оставьте это стремление „разделяй“, г. Атаман, для других. А нам разрешите быть с калмыками в дружбе, как были и раньше.

В минуту, когда в Вас взяло верх чувство русско-го человека, Вы обрушиваетесь на кубанцев, „бросивших Царицынский фронт“ и, как бы недоумевая, спрашиваете: „почему виновны здесь Врангель, Деникин, Покровский“?

На этот вопрос Вам уже ответила редакция и я от себя ничего сюда не прибавлю. Приведу по этому поводу лишь слова одного не казака, спокойно разбирающегося в былой обстановке на Казачьей Земле в период войны против красных. Он говорит: „почти 75% Добровольческой армии Юга России дали казаки области! Население Дона и Кубани в начале борьбы более чем сочувственно относилось к нам, добровольцам, давало нам приют, охотно кормило нас и пополняло свою молодежью ряды наши. Если же потом казачья масса круто изменила линию поведения своего, то причины всего этого искать надо не в казаках, а в тех приемах и ошибках, что допущены были высшим командованием. Безрасудно было в самый разгар борьбы с красными, когда вся казачья масса всколыхнулась и жертвенно стала на борьбу, самодержавно посягать на казачьи свободы, сменять не понравившихся высшему командованию Атаманов, вешать и безнаказанно допускать убийство представителей казачьей Рады и т. п. Все это вместе взятое не могло не оттолкнуть казацкие массы от такой власти, со стороны которой она ясно видела посягательства на права свои“.

Как видите, на Ваш атаманский недоуменный вопрос уже давно так ясно и определенно ответил русский человек.

Дальше Вы, продолжая оставаться на русском берегу, как русский человек, обращаясь к казакам, недоумевая, говорите: „генерала же Врангеля не за то ли еще поносим, что он бессознательно принял на себя завет Степана — вырвать Волгу из рук Москвы?“

Этот Ваш вопрос у нас вызывает лишь улыбку. К ген. Врангелю мы, вольные казаки, особой симпатии питать не можем. Вообще говоря, к его политике можно относиться по разному, что имеет место и в среде самих русских, но нельзя не признать в нем искреннего русского патриота, по своему понимавшего национальные интересы „Великой России“. И для меня непонятно — зачем Вы так оскорбляете ген. Врангеля? Если бы Вы этого не писали, а говорили и ген. Врангель услышал бы это, да он повернулся бы в гробу за такое его поношение, за такое оскорбление.

Он, ген. Врангель и заветы Степана Разина! Ген. Врангель — и „вырвать Волгу из рук Москвы“! Нет, это, конечно, случайное, по моему, но безусловное непочтение к памяти Врангеля.

А Степан Атаман!? Слыша это, он разразился бы таким громовым хохотом, что все курганы в степи затряслись бы в испуге. Генерал Врангель, решительный отрицатель всякого права за народами во имя величия „Великой России“, и Он, Степан Разин — провозвестник казачьей свободы, смелый борец за казачью независимость, во имя чего и хотевший „тряхнуть Москвой“!

Нет, что угодно, но только не это. И мне думается, что Вы, г. Атаман, по досадной случайности, по ошибке сделали такое неудачное сравнение.

Но вот минутой позже, в Вас снова берет верх над всем чувство казака, когда Вы, бросая свой взгляд в глубь истории, гордо говорите, что „казачий дух был животворен“, что сам Суворов, великий полководец, слава и краса России, и тот не счел за низость взять такой завет из жизни казаков — „сам погибай, а товарища выручай“ и привил его в своих войсках. Что можно сказать Вам за это, кроме как — казачье спасибо?

Первые строки Вашего письма, в которые я долго и часто всматривался, заставляют и сейчас восхищаться Вами, г. Атаман. Несмотря на свое несогласие с нами, несмотря на свой разнос как нас, вольных казаков, так и отдельных Войск Казачьих... наши вольные голоса тормошат, согрешают кровь, воскрешают в Вас былую картину Казачества дома, зовут вперед... к себе, домой, во единый Круг. И Вы, Атаман, не в силах сдержаться... Да как сдержаться, когда Вы — казак?! И рука Ваша сама выводит: „я читаю и перечитываю,

когда есть время, номера „Вольного Казачества“... Душа рвется к богатырям казачьей мысли и пропаганды“...

Впервые приходится слышать такое признание из уст одного из наших Войсковых Атаманов. Оно дает надежду, что если Вы и не станете в наши ряды, то не откажете ознакомить нас своими очерками с жизнью наших братьев-казаков Яицкого Войска.

Привет Вам и всем казакам, работающим с Вами.

14 мая 1932 г. Париж.

Донец А. Трофимов.

Думы казака.

Прошло более 12 лет, как мы, оставив свои родные берега, вынуждены были уйти в эмиграцию. Это явилось прямым результатом того, что усилием „русских казаков“ высокая, святая освободительная борьба казачьего народа была подчинена „классовой“ борьбе русских, в большинстве своем борющихся за интересы помещиков, но прикрывавшихся высоким лозунгом „за Россию“. Русский красный штык физически победил казаков на поле брани, но он не сломил казачьего духа, казачью волю: казаки и казачки, не склонив своей гордой головы перед красным сатрапом, предпочли уйти на чужбину, расстались со всем дорогим и святым для них, в полной уверенности в кратковременности этой тяжкой разлуки.

Пути этого казачьего „исхода“ шли решительно по всем направлениям — на восток, запад, юг и север. Легко это теперь нам сказать, еще легче подумать, но мы все знаем, каких тяжких жертв стоил нам этот „исход“, какие бесконечные муки носим мы сейчас в нашей казачьей душе. Тогда все было расхлябано, все загажено. Телесная слабость, истощение, духовное разложение царили всюду, но казаки не жаловались, со своим казачьим свегильником в руке, с неугасимой верой в сердце в неизбежное освобождение и возрождение родного казачества шли на чужбину до более благоприятного момента, чтобы снова смело броситься в бой за свою Родину — Казакцию.

Мы пришли в эмиграцию со всеми своими государственными учреждениями, институтами, с своей армией, казной, с своим выборным главой — Атаманом-Президентом. У всех нас тогда жила глубокая вера, что наши вожди поведут нас по казачьей дороге, к казачьей цели...

Но наши ожидания не оправдались, наша вера в старых вождей оказалась глубоко ошибочной. Теперь, после двенадцатилетнего „опыта“ и ожидания, все мы хорошо знаем — чем занимается наш Президент, куда устремлены его духовные взоры. Он, сидя на кресле Донского Президента, пользуясь высоким званием Донского Атамана, защищает только разных генералов Миллеров и Шатиловых и к тому же призывает и нас, казаков. А где же казачьи интересы, казачья гордость, честь казачья неподкупная? Он их сдал в музей и думает: раз я, Атаман, облизываю барские тарелки Миллера и Шатилова, то научатся делать это и „казачки“ мои.

Нет, напрасные расчеты! Истые казаки и казачки этого никогда не сделают, ибо они — гордые и честные сыны и дочери славной нашей матери — Казакии! Если Богаевского воспитала русская столица, если его казачью „дискру“ убила царская свитская среда, то не забывайте, что нас воспитал Седой наш Дон, в наших сердцах неугасимым пламенем горит воля бороться и жизнь свою отдать за свое родное Казачество, за его счастье и свободу.

Мы знаем, что за Богаевским пойдет и некоторое количество казаков. Это нас не смущает, ибо они — или потомки некогда к нам бежавших русских боярских холопов, или „рассказавшиеся“ казаки — „русские казаки“. Это были русские люди (или „сделавшиеся“ русскими казаки) и они остались русскими. А мы были и есть вольные казаки, никогда рабства не знавшие, в стихии свободы росшие, с молоком матери ее всосавшие и будем до гроба жизни вольными казаками и казачками, а не холопами!

Теперь мы видим, что работа истых казаков и казачек, взявшихся за святое дело В. К. с Божьей помощью, пошла дружно и из маленьких, сначала, ручейков превратилась в могучий вольно-казачий поток. Теперь бороться с этим потоком неспособны те гнилые болотца, по которым плавали и плавают г. г. Богаевские на разбитых корытах, равно как и их гребцы, уже обессиленные, выдыхающиеся!

Как то попался мне худосочный, жалкий „казачий“ журнал „Казачий Набат“, редактируемый „младотурком-младороссом“ Г. Чапчиковым. Прочитав я его со вниманием и выяснил, что названный Чапчиков является одним из „столпов“ ныне такого шумливого русского „младоросского“ движения и невольно подумал я: далеко, видно, пойдет это движение, если его „столпами“ являются такие типы, как Чапчиков. Ведь он был командиром нашего Калединского полка, а я — подчиненным ему офицером и я его знаю как редкого психопата, какого трудно найти и днем с огнем. И вот я недоумевал — как же он попал в число „младороссов“? А потом вспомнил: ведь у него нет ничего святого, никакой высокой идеи; в бытность свою ком. полка он, кроме „кожодерства“ и разврата, мало что знал и делал. Все казаки полка знают, какие „номера“ он выкидывал в Крыму. Под Каховкой он расстреливал удали ради русских офицеров (о расстреле двух офицеров я сам хорошо знаю); в селе Рождественском он беспощадно грабил бедных крестьян и вдов крестьянок. А когда эти несчастные крестьянки, с малыми детьми на руках, утоая в слезах, приходили к Чапчикову с жалобой, то он каждой давал по 25 плетей. А сколько он девушек-крестьянок изнасиловал!

Вот какой человек попал в число „столпов“ „младоросского“ движения! Хорошо же это движение!

Поразительные дела Твои, Господи!

„Поздравим“ младороссов с таким приобретением и поздравим казаков с избавлением от такого типа!

Скатертью ему дорога, со всеми его „Набатами“...

Казак Ив. Болдырев. (Франция).

Пресса.

„Український Голос“ про „В. К.“

„Український Голос“ — тижневик, що виходить в Вінніпегу (Канада), в числі 17, 24-IV ц. р. містить статтю п. Б. М., присвячену сточиловому ювілейові „В. К.“

Думки, висловлені автором статті, заслуговують, щоб бути підкресленими не лише перед українською, але і перед козакою аудиторією, як доказ того, що вільно-козацький рух знаходить чим далі, тим більшого порозуміння серед широких кол українського загалу.

... „Ся подія, пише автор, як в життю самого В. К., так і серед явищ на спільному визвольному фронті усіх взагалі народів, що борються за свою свободу проти російського поневолення, настільки значна, що і нам,

Українцям, варто на се звернути блищу і пильнішу увагу: сто чисел суто козацького самостійницького часопису... з'являється справжнім доказом козацької самостійницької рішучості і витривалості.

Вихід у світ сотого числа журналу „В. К.“ по правді можна сміливо вважати за його славний історичний ювілей, бо на його численних сторінках... „В. К.“ проробило кольосальну культурну і політичну працю на користь козацького народу по шляху його визволення.

„В. К.“ докладно й остаточно викреслило та удосконалює свою суто-козацьку самостійницько-державницьку ідеологію, засновану на козацькому прагненню визволити з-під панування Москви рідні козацькі землі... та створити з них незалежну козацьку державу —

Козацію — яко державно-федеративний союз... козацьких земель.

В реальному наслідку широкої пропаганди сеї своєї визвольної програми „В. К.“ зуміло вилити, всуггестувати в козацькі маси свої визвольні гасла, знайти і розбудити в них живий відклик, пригорнути їх до власної вільної, незалежної козацької думки та відірвати в такий спосіб козаків від московських впливів та від пасивного думання по чужому.

На зозні „В. К.“ шукає найтіснішого зближення і співпраці зі всіма народами бувшої Росії, що так само боряться за своє визволення та щиро прагне утворити з ними один міцний спільний фронт проти загального ворога гнобителя.

І ось, по скільки така благородна і плодотворна визвольна акція самостійницького „В. К.“ лежить, безперечно, і в наших українських інтересах, від широкого серця відкликаємося з привітанням на сточисловий ювілей вільно-козацького журналу та бажаємо йому дальшого блискучого розвитку й успіху“.

В. К. в „Українській Ниві“.

З приводу 100 числа „В. К.“ „Українська Нива“ (Луцьк, Польша) в числі 20 (133) від 10 травня надрукувала статтю п. Костя Курило про В. К. (Козачий рух та козачо-українське питання).

Стаття п. К. Курило одна з найбільших та найгрунтовніших праць, що з'явилася на сторінках української преси про козаче питання. Таки статті не лише цікаві самі по собі, але й значно корисні для справи будування козачо-українських відносин тепер і в майбутньому. З великим задоволенням можемо зазначити, що автор дуже добре розуміє козаче питання і знає козаків. Те, як він пише про козака, про його „еволюцію“, пережиту під впливом „В. К.“, свідчить, що автор бачив і спостерігав козаків — живих людей, таких — які вони є. І — як це різниться від писаних тих українців, які козаків і козачу справу знають лише через російську літературу!

... „Висловлюючи свої симпатії вільно-козацькому руху, що є ідентичний з рухом державницьких змагань українського народу, — кінчає свою статтю шановний автор, — повинні ми всіма засобами помагати успішному його розвитку, памятаючи, що ворог мого ворога є моїм приятелем...“

— Прочитавши статтю п. К. Курило в „У. Н.“, ми можемо побажати лише одного: щоб таких праць з'являлося в українській пресі як можна більше та частіше, бо вони найбільше прислужилися б до того, щоб український загальний узагал узнав ближче козаче питання, бо, як це не дивно, ми, козаків, українське питання знаємо значно краще, ніж українці знають питання козаче.

„Гуртуймося“ про „В. К.“

Гарні рядки присвятило „Вільному Козацтву“ і „Гуртуймося“ — український неперіодичний журнал військово-громадської думки — в числі IX за травень ц. р. (виходить в Празі).

Нав'язуючи на ювілей 100 числа „В. К.“, „Гуртуймося“ пише:

„Журнал очолює вільно-козацький самостійницький рух, що під гаслами звільнення й удержавлення Козацьких Земель інтензивно розвинувся за останні роки серед козацької еміграції. Головна заслуга цього руху полягає в тих реальних здобутках, яких він досягнув способом, так би мовити, „окозачування“ козацьких мас, що були досі русифіковані і перебували в російським єдиномілітарним таборі. Шляхом такої, послідовної, обгрунтованої істотної пропаганди і висуненням живих, близьких козацькому серцю й ясних гасел козацької волі і незалежності, вільно-козацький рух досяг за яких чотири роки своєї одвертої чинності тут на еміграції справді дивугідних наслідків: більшість козацької еміграційної маси, що перебувала досі, заслужила різними московськими туманними ідеологіями по численних російсько-політичних групуваннях, набула власного суто-козацького усвідомлення і привернулася до активної піддержки ідеї козацької незалежності, прак-

тикованої вже і за час революційної боротьби в формі козацьких держав Дона і Кубані. Самостійницький вільно-козацький рух швидко росте, розвивається і скріплюється в козацьких масах, обіцяючи натурально охопити все козацтво, що збуджується від сну московської неволі та шукає визвольних шляхів для свого народно-державницького самоутвердження“.

„Прометей“.

В апрельской книжке „Prométhée“ находим статью г. М. „Parmi les cosaques“, посвященную парижскому докладу Харламова и прениям по нем (28 февраля и 6 марта с. г.)

Сделав краткую характеристику положения казаков в России прошлого, упомянув о недавней борьбе казаков и о целях этой борьбы, автор продолжает:

„В эмиграции, вдали от родины, но в постоянной заботе о ее будущем, казаки подвергают проверке и ревизии то, что привело их страны в нынешнее состояние. „Психологический сепаратизм“, всегда живший в душе казака, обнаружившийся явственно в первый же период революции 1917 года и приведший к образованию самостоятельных казачьих государств после прихода к власти большевиков, ныне получает свое полное завершение: в среде казаков ширится и углубляется движение в пользу государственного обособления от России. — Автор доклада... г. Харламов задался целью разрушить идеологию сепаратистов, и показать неисторичность, необоснованность и, наконец, просто практическую неосуществимость планов самостийников“.

Удалось ли это Харламову? — Подчеркивая характерные моменты доклада и последовавших в прениях возражений ему, г. М. замечает: „...мы должны открыто сказать, что свидетельство истории далекой и истории недавних времен было в пользу казаков-самостийников“.

Характеризуя прения, автор отмечает: „...общее содержание всех речей показывает, что самостийное течение в казачестве — это сила, с которой придется считаться. Задача г-на Харламова не удалась. Ему не только не удалось разбить самостийную идеологию среди казачества, а, наоборот, своими неудачными попытками защищать обще-русское пр-во или затушевывать анти-казачью деятельность добровольческой армии г. Харламов как-будто лил масло в огонь казачьего сепаратизма...“

В противоположность „Возрождению“, г. М. свидетельствует: „Надо признать, что казаки-самостийники обнаружили чрезвычайную сплоченность. Если собравшаяся в довольно значительном количестве аудитория может передать и отразить настроение казачьей массы в Париже, то приходится сказать, что самостийники здесь составляют большинство“.

Очередной вопрос.

Туркестанское Национальное Об'единение в своем печатном органе „Яш Туркестан“ (в апрельском, 29-ом номере) поместило статью под названием „О едином фронте“, в которой ставит чрезвычайно интересный и важный для национальностей, борющихся за свою независимость, вопрос.

В цитируемой статье говорится:

„Мы все — борющиеся за национальную независимость подвластные сов. России народы понимаем необходимость единения наших сил в борьбе против общего врага. Но это понимание, надо открыто признаться, до сих пор еще не нашло себе достаточно полного выражения. Наши в отдельности существующие национальные организации действуют вразброд. Между ними нет тесного делового контакта. Наступает момент, когда нам всем надо подумать об общем едином плане действий. Кавказ, Украина и Туркестан, Эдиль-Урал, Крым и Вольное Казачество — все мы должны создать теснейшее об'единение наших организационных сил, создать единый (с о ю з н ы й) центр, который, при сохранении внутренней самостоятельности каждой национальной организации, должен выражать наше самостийно-национальное единство в борьбе про-

тив большевицко-националистического империалистического фронта России“...

„Ставя на повестку дня этот вопрос, мы не предлагаем сейчас конкретной формы его осуществления. Мы знаем препятствия, которые может встретить создание предлагаемого нами объединенного союзного центра. Но мы убеждены, что понимание важности стоящей перед нами задачи — освобождение наших стран — подскажет нам всем способы преодоления всех трудностей на этом пути“...

— Помещая эту выдержку из несомненно интересной и современной статьи „Я. Т.“ можем с своей стороны только приветствовать ее появление. Казаки-самостийники давно стоят на этом пути. Еще „Голос Казачества“ в № 24 от 23 апреля 1922 года взывал: „Единому фронту оккупантов надо противопоставить союзный фронт всех народов Восточной Европы, борющихся за свое освобождение“. Эту мысль мы неоднократно подчеркивали и в „В. К.“ Еще недавно, в № 94, мы писали: „Нашей конечной целью в этом вопросе... является не только установление добрососедских отношений со всеми нашими соседями, но и создание общего с ними союзного фронта в борьбе за свою свободу и независимость“.

Не будем, конечно, закрывать глаза и на трудности хорошего и удачного осуществления этой мысли в действительности, но также не сомневаемся и в том, что при искреннем желании и доброй воле участников она — мысль эта — осуществлена быть может.

Младоросским казакам.

Перед нами 3-й номер „Казачьего Набата“. За пятнадцать месяцев — от первого номера к третьему — „К. Н.“ „отошал“ „до отказа“ и объемом и содержанием, выйдя сейчас (3-й номер) всего беднейшей четырехстраничной газеткой. Отсутствие содержания, отсутствие мысли (да и какое можно проявить творчество в зове к отказу от мысли, к безоговорочному служению „эмигрантскому царю“) с избытком возмещается развязностью, легкомыслием и нахальством. В этом именно тоне „пишут“ в „К. Н.“ и о казачьей самостийности. Не считаем для себя возможным вести полемику с пустозвонами. Тем более, что никакого младоросского движения среди казаков нет.

Что касается части „разоблачительной“ „К. Н.“, посвященной В. К., можем с такою же степенью достоверности, с какою „К. Н.“ „разоблачает“ „В. К.“ и его редактора, разоблачить „К. Н.“ и его редактора. О „делах“ „К. Н.“ нам известно не меньше, чем известно ему о „делах“ наших. Напр.: в единоличное распоряжение от „тонкого дяди“ „редактор“ Г. И. Чапчиков получает ежемесячно 12 тыс. крон. Куда и как расходуются, никто, даже окружение не знает. Жалованье 3.200 корон в месяц и на представительство по 4.800 кор. в месяц — особо.

Против клеветы.

I.

Глубокоуважаемый господин Редактор!

Так как сообщение „Последних Новостей“ (№ 4070 от 14 мая с. г.) имеет в виду опорочить меня не только как Жукова, но еще больше как казака-самостийника Жукова, желая, очевидно, на преступлении Горгулова немного „посчитаться“ и с казачьим самостийным движением, настоящим прошу Вас напечатать в журнале „В. К.“ прилагаемую при этом копию моего письма редактору „П. Н.“, которое я отправил ему сегодня заказным (par avion), сданным в Пражском почтовом отделении 33 (квитанция № 176).

Примите уверение в моем искреннем к Вам уважении и преданности,

Куб. В. полк. А. Жуков.

18 мая 1932 г.

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ „ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ“.

М. Г. Господин Редактор!

Помещая в своей газете № 4070 заявление некоего С. Я., который, по моему глубококому убеждению, в действительности никто иной, как курд — Али Гасан Явур, Вы не потрудились предварительно, хотя бы самым поверхностным образом, проверить правдивость данных этого заявления, к чему, живя в Париже, Вы имели полную возможность.

Таким образом, излишне запутывая следствие, усугубляя неосновательным добавлением к делу нового имени и без того тяжелое положение всей эмиграции, Вы тем самым полностью взяли на себя и ответственность в нанесении мне весьма тяжкого морального и материального ущерба, поставив мое имя рядом с именем гнусного убийцы Горгулова.

Основываясь на точном смысле закона о печати, я требую теперь же, незамедлительно поместить настоящее мое письмо полностью и без всяких изменений, на первой же странице Вашей газеты (по крайней мере начало письма, с перенесением его на следующую страницу) и под тем же крупным и зловещим заголовком: „Горгулов и Жуков“.

Все заявление С. Я. от начала и до конца — сплошная ложь, являющаяся актом личной мести со стороны Али-Гасана Явура. Напечатанное у Вас

заявление гласит, что 1) Горгулов в последнее время был тесно связан... с полк. Алексеем Жуковым; 2) Горгулов часто бывал у Жукова в доме на rue Viala, 26-ter; 3) что „сам Ж. вел жизнь, вызывавшую подозрения“ и 4) „нигде не работая, проживал сравнительно большие деньги“; 5) „получал через регулярные промежутки времени денежные переводы из Чехословакии“; 6) якобы, я — Жуков „намекал, что русским надо понемногу“ сматываться из Франции, потому что этим летом должны произойти серьезные события“, затем 7) „он распространял слухи будто то едет в Африку. На самом же деле... уехал в Чехословакию“; и, наконец 8) заявление (или мнение газеты „ПН?“) недвусмысленно утверждает, что „лица, знавшие Жукова, подозревали его в сношении с большевиками“.

Настоящим довожу до всеобщего сведения:

1. Не только „тесной связи“ или каких бы то ни было „сношений“ с убийцей Президента Французской Республики — Горгуловым я не имел, но и самого Горгулова я никогда, — ни раньше, ни теперь, — совершенно не знал и не видал.

2. Я был в 1930, 1931 и начале 1932 года выборным атаманом Кубанской станицы в Париже и принимал у себя по делам станицы многих казаков. В последнее время ко мне часто приходил проживающий в Париже казак станицы Вознесенской Василий Горлов, а никак не Горгулов; похоже, но не одно и то же!

3. Вел я всегда очень скромный образ жизни, ни в ком из окружающих меня не вызывая никаких подозрений в своей добропорядочности. Это подтвердят многие из эмигрантов и те французы, с которыми я соприкасался за девять лет своего пребывания в Париже. Свой досуг я посвящал исключительно чтению научных книг и лишь в последние два года занимался общественными делами Кубанской станицы.

4. Во Франции, куда прибыл после двух с половиной лет пребывания в Берлине, я находился с 20 мая 1923 года по 11 апреля 1932 года, добывая себе средства к жизни физическим трудом, о чем свидетельствуют имеющиеся у меня многочисленные сертификаты с лестными отзывами, как от фабрик и заводов, так и от частных клиентов, среди которых есть и видные французские государственные деятели.

Без работы я был некоторое время в 1927 году после окончательного закрытия (19 февраля 1927 года)

по причине кризиса Автомобильного завода „де Дион Бутон“; затем не работал короткий срок в конце 1930 года по болезни и, начиная с середины июля месяца 1931 года, когда, опять таки вследствие кризиса, был уволен из лучшей французской мебельной фабрики „Жансен“. Это увольнение произошло не без давления рабочих-коммунистов, трижды выпустивших специальный печатный агитационный листок, в котором прямо указывали на меня, как на „шефа белобандитов“ (большевиком, ведь, известно было мое атаманство в Кубанской станице) и как на „врангелевца“, „отнимающего хлеб у французских рабочих“.

Все остальное время я работал физически, как первоклассный специалист „вернисер-эбенист“, с дипломом специальной Парижской школы. Проживать „довольно больших денег“ я не мог по той простой причине, что никогда их не имел. В затруднительных случаях я заимообразно брал небольшие суммы денег у своих близких друзей или в Кубанской Кассе Взаимопомощи, где мой долг не погашен и до сего дня. Даже в крайней нужде я не хотел получать у французских шомажных денег, чтобы не вызывать вновь оскорбительного упрека в этом со стороны даже коммунистов. Во время безработицы я все же, хотя и не регулярно, частных клиентов имел. Моя работа оплачивалась довольно высоко.

5. Никаких регулярных денежных переводов из Чехословакии никогда не получал, за исключением одного — это был аванс на поездку в Прагу и сопряженные с этим расходы, о чем скажу ниже.

Незначительные денежные переводы на мое имя были в свое время от кубанцев во Францию; это — взносы казаков в „фонд освобождения родины“. Отчетная ведомость и денежная книга в данное время хранятся у атамана Кубанской станицы.

Точные справки обо всем этом может дать почтовое отделение № 64 (рю Де Люрмель. Париж 15.).

6. О том, что в недалеком будущем должны произойти важные события я, действительно, говорил часто; однако, я никогда не утверждал, что именно „события произойдут этим летом“ (сейчас всего лишь весна) и никому абсолютно не „советовал“... „смагивать“ из Франции“. Во-первых, бандитская терминология мне совершенно чужда, а во-вторых, напр., на многолюдных собраниях русской эмиграции в последнее время все твердили о приближении событий и никто в этом не видел до сего времени чего-либо „преступного.“

Как и другие, под событиями я подразумевал возможные перемены в жизни большевицкой России, а следовательно, и в жизни всей эмиграции, что понятно и само собой.

7. „Слухов“ об отъезде в Африку я не распространял, а фактически, и ни от кого не скрывая, собирався туда уезжать, имея вполне серьезное и заманчивое предложение хорошего места. Лишь позднее мною было получено от редакции казачьего журнала в Праге предложение — быть постоянным сотрудником. Это меня устраивало. Я согласился. И как только получил необходимый аванс на дорогу, и полностью сдал общественные дела, сейчас же, не теряя времени, выехал в Прагу.

8. Я смело утверждаю, что „лица знавшие Жукова“ ни в коем случае не „подозревали его в сношениях с большевиками“.

Пользуясь полным доверием казаков, я был избираем на ответственные должности в правление Кубанской станицы в Париже, а с 26 октября 1930 года и по 10 января 1932 года (когда решил уехать из Парижа) был ее Атаманом.

Документальными данными, всеми деталями прежней и настоящей своей жизни (начиная с 1917 года) могу доказать, что я был и есть активный и непримиримый враг большевизма, являясь в то же время и убежденным казачьим националистом.

Спешно отвечая на столь гнусный выпад по моему адресу, я ограничиваюсь лишь общими ответами без подробного указания (умышленно) дат, документов и фамилий, за исключением одной.

Все эти материалы будут представлены мною в свое

время французскому суду, к которому я привлекаю авторов гнусного поклепа.

К сему добавляю, что личность Али Гасан Явура, именующего себя султаном и горцем Кубани, весьма сомнительного свойства (по собственному его признанию, в Греции и Сербии он занимался вооруженным бандитизмом).

Не останавливаясь на подробностях его поведения, укажу, что Явур психически ненормален и одно время находился в доме умалишенных.

Познакомился я с ним, когда (конец 1931 года) он появился в доме № 26-тер на рю Виалья в качестве компаньона в ресторане „Дар'ял“; там он со всеми клиентами и служащими переругался, а за нечестность, наглость и злостные сплетни неоднократно был бит. Из ресторана Явур был против его желания устранин, а его имущество взято в уплату долгов.

Однажды, во время моего с ним объяснения по поводу очередной сплетни (были свидетели), Явур грубо обругал меня, за что тут же немедленно получил должное возмездие, так что был отведен для перевязки в ближайший медицинский пункт. Об этом мною в тот же день было заявлено в полицейский участок (71, рю Фондари). После этого мои знакомые не раз меня предупреджали, что курд Явур поклялся жестоко мне отомстить.

Настоящее его выступление и есть эта злая месть. Однако, я надеюсь, что суд отнесется к Явуру более серьезно, чем то сделала Ваша газета.

Сегодня же, по прочтении гнусной клеветы на меня, я явился в главное полицейское управление города Праги со всеми своими документами (начиная со дня приезда за границу, т. е. с 30 октября 1920 года), где и был составлен надлежащий протокол, который будет препровожден французским властям, производящим следствие по делу Горгулова; там же мною сделано заявление, что я готов в любой момент, если то понадобится, выехать в Париж.

Одновременно с сим мною посылается французскому адвокату доверенность на предмет привлечения к суду виновников злостных инсинуаций, опорочивающих мою честь и доброе имя. В случае необходимости — выведу и сам в Париж.

Примите уверение в совершенном почтении,

Кубанского Войска полковник **Жуков.**

16 мая 1932 г. Прага.

II.

М. Г., г. Редактор!

Прошу поместить на страницах „В. К.“ нижеследующее мое обращение к казакам по поводу распространения в Париже злостных слухов о моей причастности к большевизму.

Примите уверение в совершенном к Вам почтении и преданности, Кубанского Войска полковник **Жуков.**

1932 г. 21 мая. Прага.

БРАТЪЯ КАЗАКИ!

Гнусный и подлый пример газеты „Последние Новости“, умышленно поместившей обо мне заведомо ложное сообщение, дал повод моим врагам и недоброжелателям к распространению самых нелепых слухов о моей причастности к большевизму.

Лица, пока мною не установленные, говорят, что, якобы, я по австрийскому паспорту был легально командирован большевиками через финляндскую границу в числе каких то мифических тридцати офицеров для „работы“ в эмигрантских организациях.

Несостоятельность этого очевидна будет уже из следующих соображений: 1. Я прибыл в Берлин (документ налицо) 30 октября 1920 г., т. е. тогда, когда не только эмигрантских организаций, но и самой эмиграции в том смысле как мы ее теперь понимаем, не существовало. Борьба в Крыму еще продолжалась, а флоты Европейских держав блокировали СССР;

2. В момент перехода финляндской границы большевики ни тайно, ни легально никого командировать через эту границу не могли: она была для них совер-

шенно закрытой, ибо Финляндия в то время находилась в состоянии войны с советской Россией;

3. Только тугоголовые люди, эвакуировавшиеся или с чужой помощью или за спиной армии, и не побывавшие лично во время террора в красном „раю“, могут думать, что человек, вдохновлявший не одно восстание и принимавший самое активное участие в борьбе с большевиками, мог бы свободно под своим настоящим именем решиться на столь опасный шаг, как путешествие через всю Россию с юга на север, да еще во главе целой команды в 50 человек таких же, как и сам, обреченных; эти лица находятся здесь, за-границей. Они также имеют родственников в С. России, а потому их имена могут быть названы только на суде и не иначе как при закрытых дверях. Безнравственно было бы с моей стороны, как тогда, так и теперь подвергать кого бы то ни было смертельной опасности; и без того мои близкие и дальние родственники беспощадно расстреляны коммунистами;

4. При эвакуации г. Новороссийска, неоправившийся еще от полученного ранения и двух под ряд перенесенных мною тифов, я был брошен отступающей армией на произвол судьбы; но у меня хватило мужества для того, чтобы не сдать врагу и продолжать с ним борьбу всеми доступными средствами. Ни одной секунды у большевиков я не служил и других от этого удержал. Как только мне силы позволили, я с большим риском для жизни, но твердо решил бежать к своим и это свое решение привел успешно в исполнение, спасши тем жизнь и многим другим лицам, среди которых есть и поныне здравствующие иностранцы. Их адреса и письма хранятся у меня.

Все мои многочисленные свидетельства и документы могут быть предоставлены для ознакомления каждому честному казаку, но желание профессиональных провокаторов и трусливых любителей „осведомлять“ общество из за угла мною удовлетворено не будет. Надо, хотя не впадать, но выступать открыто, как то сделали „П. Н.“ и самозванный султан — курд Явур.

Я прошу вольных казаков и всех тех, кои не состоят в рядах В. К., но не утратили понятия о чести и достоинстве казачьего имени, помочь мне изобличить злостных провокаторов-клеветников на предмет привлечения их к суду.

Надо теперь же положить предел безнаказанности

не вмеру обнаглевших „информаторов“, не брезгующих никакими средствами, чтобы тревожный момент использовать для своих темных целей и опорочит имена тех, кто стоит у них на пути.

При желании, каждый может легко обнаружить первоисточник слуха и принудить его автора подтвердить свои слова при свидетелях или же публично от них отказаться. В первом случае надлежит зафиксировать факт и препроводить мне письменное сообщение о нем по адресу журнала „В. К.“, а во втором случае поступают так, как это принято поступать в отношении лжецов и прочих подлецов: их нощадно бьют и изгоняют из своей среды раз и на всегда, с приданием инциденту широкой гласности. Только таким путем можно гарантировать, что и с другими казаками не повторится того, что ныне случилось со мной.

Ни одного выпада по моему адресу без должного внимания не оставляю: я — казак и веду свой род от славных рыцарей Запорожья, а не от беглых московских холопов, над которыми можно безнаказанно измываться. Позорить своего дедовского имени никому не позволю, пока я жив и здоров.

Не раз, рискуя своим благополучием и даже жизнью, я смело становился на защиту общих интересов, памятуя принцип: один за всех... Теперь я жду, что и казаки, верные этому принципу, дружно мне ответят его второю частью: мы все за одного.

Редакция „Последних Новостей“ и курд Явур привлекаются мною к судебной ответственности.

Кубанского Войска полковник Жуков.

20 мая 1932 года. Прага.

От ред. В „П. Н.“ от 20 мая, № 4076 напечатано „заявление Фенина“ (сообщение из Москвы), в котором говорится: „Павел Горгулов был очень близок к полк. Жукову, одному из главарей антисоветского восстания“.

Во избежание кривотолков, должны заметить, что в данном случае речь идет, очевидно, об однофамильце полк. А. Т. Жукова — тоже полк. Жукове, жившем в ст. Лабинской (хромой). Лабинцы легко это установят. Полк. же А. Т. Жуков жил в ст. Кавказской, где и организовывал в свое время восстания против большевиков.

Кто убийца Президента Ф. Р.?

Убийство французского Президента взволновало весь мир. Кто убийца и кому нужно было это убийство? Ответ на второй вопрос совершенно ясен: независимо от того, действовал ли преступник по своей инициативе или исполнял данное ему поручение, не подлежит никакому сомнению, в чьих интересах он совершил свое злодеяние, как не подлежит для нас сомнению, кого больше всего интересует вопрос о том, чтобы в „буржуазном мире“ не было мира, а царствовала бы тревога и неуверенность. Этим же решается и вопрос о личности убийцы.

Для нас событие 6 мая имеет и свою специфическую больше чем неприятную сторону: казак или не казак убийца?

Мы не сомневаемся в том, что человек, именуемый себя Павлом Горгуловым, не казак. Лучше всего об этом свидетельствует он сам, вся его жизнь и деятельность, та среда, в которой он вращался, и те цели, которым он служил и ради которых убил французского Президента. Мы сильно сомневаемся и в том, чтобы это мог быть даже „русский казак“. Все это могли бы совершенно точно установить казаки, более опытные и менее думающие о саморекламе, чем, напр., Ф. И. Е-ев, если бы они могли получить с Горгуловым очную ставку.

Для нас же достаточно и того материала о Горгулове, какой уже опубликован в газетах, чтобы насколько не сомневаться в своем утверждении.

Собственно говоря, мысль о том, что Горгулов ка-

зак подбросили всем русские парижские газеты „П. Н.“ и „Возрождение“. До того сам Горгулов считал себя только русским. Действительно: издавая свой роман „Сын монахини“, он снабдил его и своей фотографией с такой подписью: „Русский писатель др. Павел Горгулов, рожденный 29 июня 1895 на Кавказе в России“.

В Праге Горгулов пробовал втереться в казачьи круги, но показался типом подозрительным, т. к. объявил себя из станицы Лабинской Майкопского отдела. Казак так бы не напутал.

Издавая свою „зеленую“ книгу, Горгулов подписался: „крестьянин Павел Горгулов“. Среди казаков есть еще достаточно таких, которые считают себя русскими казаками. Мы можем допустить, что некоторые казаки могут считать себя просто русскими, но никогда еще не было в истории случая, чтобы даже самый рьяный „русский казак“ объявил себя русским крестьянином. Это невозможно.

Повторяем: Горгулова подбрасывают казакам русские газеты. В самом деле, посмотрим „П. Н.“ и „В.“ от 7 мая.

Возьмем „Возрождение“. Из отчета о допросе Горгулова: „Я — глава русской... партии“. На вопрос комиссара, где он служил, Горгулов отвечает: „На войне служил подпоручиком русской армии“... На первой же странице „В.“ приведены выдержки из „произведения“ Горгулова, — там подчеркнута: „Русский я“. В записной книжке, по свидетельству того же „В.“ — „бредовые стихи о России“.

На 2-ой стр. „В.“ само уже пишет (от себя): „Горгулов — кубанский казак“ (почему?). „Во время войны служил в чине хорунжего“ (откуда это взяли?).

Точно так же и в „П. Н.“ Сам о себе говорит, как о русском; „П. Н.“ от себя объявляют его казаком. Даже если бы человек, именуемый себя Горгуловым, действительно родился в ст. Лабинской, то это не значит еще, что он казак.

На 2-ой стр. „П. Н.“ от 7 мая г. проф. Абрамов характеризует Горгулова, как „некультурного, неотесанного человека“: „казак от сохи“. Почему „казак от сохи“, а почему не „мужик от сохи“?

По свидетельству русских же газет Горгулов вращался иногда в кругах поэтов, но исключительно русских.

По свидетельству тех же газет Горгулов закладывал свою партию только с русскими и привлекал в нее только русских. Казак не мог бы работать только с русскими. Казак не удержался бы от того, чтобы не привлечь в свои единомышленники когонибудь из казаков.

В „Возрождении“ 12 мая читаем показание Горгулова. В первый раз он сам о себе говорит: „Родился я... в ст. Лабинской... Я единственный сын богатых казаков“.. А там же, несколько ниже, Горгулов говорит: ... „Революция застала меня в казачьем пехотном пол-

ку“... — Казак этого никогда не сказал бы, — у казаков „пехотных полков“ не было. Да потом, если бы Горгулов был действительно сыном богатых казаков, он служил бы в конном полку...

15 мая „П. Н.“ снова повторяют: „Личность убийцы установлена. Он действительно Горгулов, казак ст. Лабинской и врач“. Заключение это сделано очевидно на основании „впечатления“ полковника Елисева в результате „очной ставки“ с Горгуловым. Из приведенного там же сообщения содержания „очной ставки“ мы этого не видим; видим только чрезвычайную поверхность вопросов, задававшихся Елисевым Горгулову.

16 мая в „П. Н.“ читаем перепечатку из „Известий“ от 13 мая, в котором колхозники ст. Лабинской называют Горгулова уроженцем ст. Лабинской, сыном офицера-помещика. — По сколько мы знаем, казаков помещиков Горгуловых на Кубани не было.

В „В.“ 17 мая находим утверждение полк. Турошенского, что Горгулов — сын крестьянина.

Показание Горгулова, напечатанное 12 мая в „В.“, именно: „Я сын богатых казаков“, — большевизским телеграфным агентством „Тасс“ передано в советские газеты так: „я сын богатого крестьянина“ (Ростовский „М.“ от 14 мая).

Казачья эмиграция.

Казачьи студенты выражают сочувствие по поводу мученической кончины Президента Франции г. Думера.

8 мая атаман Общеказачьей Студенческой Станицы П. С. Поляков в г. Белграде выразил сочувствие секретарю Французского посольства в постигшем Францию горе и расписался в предложенной ему книге, выставленной для этой цели в помещении посольства.

На В. К. с'езд.

Поступило: От С. Маргушина — 175 рум. лей, Д. Гнездилова — 100, Я. Дулимова — 120, В. Шкаринова — 150, М. Рышкина — 200, А. Солдатова — 150, М. Лукьянова — 100, В. Кабанова — 80, Е. Деркунова — 10, Земцова — 60, С. Кузнецова — 20, Е. Кабанова — 20, М. Рышкиной — 20, И. Плитнева — 20, А. Рыхлова — 10, Р. Руденкова — 20, И. Крицкого — 20, И. Ликуса — 20, Г. Сулина — 20, Г. Чапцова — 10, М. Попова — 5, Е. Еснева — 10, М. Салаткова — 10, М. Артамонова — 10, М. Бурилина — 10, М. Снопова — 10, С. Дьяконова — 10, И. Москаленкова — 10, А. Алферова — 20, И. Иванова — 15, М. Емельянова — 20, Д. Ершова — 10, Гр. Фролова — 5, П. Фролова — 5, Ник. Семиглазова — 10, П. Черныша — 10, Т. Валуйскова — 10, К. Межова — 5, С. Хопричкова — 10, Г. Чудного — 5 и 160 от неизвестного. Всего по подписному листу: № 1, 1932 г. I-V. Бухарест — 1510 рум. лей или 305 корон ч. (триста пять).

Из Польши от А. Кирьянова 11 кб.

В Югославии (к П. С. Полякову) поступило: от А. Е. Пивня 20 дин., от Ив. Иващенко 50 дин., от 5 казаков из Босны 100 дин., от Белградской Студ. станицы 100 динар, от казаков через А. П. Черного 50 дин., от калмыков-студентов 40 дин., из Крагуеваца от А. Чекина 101 динар.

В. К. в Ески-Джумая.

Глубокоуважаемый г-н Редактор! Не откажите в любезности напечатать в редактируемом Вами журнале нижеследующее:

8 сего мая в городе Ески-Джумая состоялся станичный сбор Донской Селимийской Свято-Николаевской

станции. В результате перевыборов, на новый годичный срок избраны следующие должностные лица: атаманом — подх. Туроверов М. К. (дон.), помощником его почетный старик станицы, ст. ур. Гусаков М. Н. (дон.), казначеем и писарем станицы подх. Кузнецов И. Д. (дон.); доверенными станицы: прик. Порфенов М. Н. (дон.), каз. Сватенко И. Ф. (куб.) и Филатов Е. Л. (дон.).

На этом же сборе станица постановила вступить в число вольно-казачьих организаций и к старому названию станицы добавить слово: „Вольно-казачья“. Станица в качестве нового члена в семье вольно-казачьих организаций, приняла постановление: Каждому члену станицы мужского пола от 18 лет до глубоких стариков (исключая дряхлых, инвалидов и вообще к труду неспособных) вносить в фонд созыва Вольно-казачьего с'езда, начиная с 1 мая с. г. по 5 болгарских лева ежемесячно. Желющие и имеющие возможность могут эту сумму увеличивать по своему усмотрению. Деньги станичным казначеем собираются и будут отосланы Вам. Одновременно с этим будет послан и список членов станицы.

Да здравствует Вольное Казачество!.. Да здравствует I-й Вольно-казачий с'езд.

Стан. атаман Донской Вольно-казачьей Селимийской Свято-Николаевской станицы подх. Туроверов. Помощник ст. ат. Гусаков. Ст. писарь подх. Кузнецов.

9 мая 1932 г. Гор. Ески-Джумая. Болгария.

В Бухаресте.

От инициативной группы В. К. в Бухаресте по сбору средств на В. К. с'езд.

Настоящим доводим до сведения всех вольных казаков в Бухаресте, что собранные среди них деньги в фонд созыва вольно-казачьего с'езда в сумме одной тысячи пятисот десяти лей (1510) — через представителя журнала „В. К.“ С. М. Маргушина посланы в вольно-казачий центр в Прагу.

Всем казакам, исполнившим свой национальный долг, по примеру своих братьев казаков в других странах, внесших посильный взнос в фонд созыва национального казачьего с'езда — приносим сердечную благодарность.

Да здравствует вольно-казачий с'езд!

Инициативная группа:

А. Солдатов, М. Рышкин, В. Кабанов, Я. Дулимов, Д. Гнездилов, Ф. Земцов.

2-V-1932. Бухарест.

Инициативная группа в. к. в Бухаресте по сбору средств на в.-к. с'езд. Слева направо: Ф. Земцов, Я. Дулимов, А. Солдатов, М. Рышкин, В. Кабанов и Д. Гнездилов.

В Лесковаце и Горно-Ореховице.

Редактору журнала „В. К.“

Вот уже семь лет существует в Горно-Ореховице, так называемая, „Общеказачья станица“, объединяющая (конечно только на бумаге) всех казаков и неказачков. По спискам в станице состоит 73 человека, а на самом деле едва ли превышает 15 человек. Станица здесь не безизвестная, атаман станицы — также прославлен „делами“. Во-первых атаманствует он 7 лет без переизборов (тоже вроде Богаевского); он также не имеет здесь людей, которые его выбирали, что также его ничуть не тревожит. По истечении трех лет (за три года раз) он объявил станичный сбор, на котором присутствовало всего четыре человека членов станицы. Такое наличие он считал законным, открыл собрание, на котором было постановлено: оставить его атаманствовать и дальше. Созная, что постановление сбора без подписей все таки „не того“, он спокойно расписался сам за всех казаков, которые не только не присутствовали на сборе, но даже не знали о нем. Второе трехлетие он проатаманствовал, никому не давая отчета.

В декабре 1931 г. разнесся слух, что всем безработным от Лиги Наций отпущена известная сумма денег, которая будет раздаваться по представленным спискам. Так как нас, крайне нуждающихся казаков в Лесковаце в то время было 26 человек, не состоящих в упомянутой станице, то нами был составлен список, собственноручно всеми нами подписан и отослан в Софию по назначению. Ответа на наше письмо не последовало и наш список вернулся в Горно-Ореховицу в Комиссию. Вот тут и выяснилось, что атаман „Общеказачьей станицы“, по старой привычке, никому не говоря слова, составил список безработных, куда включил и наши имена и вошел в Комиссию по распределению поступающих из Лиги Наций сумм. Таким образом, мы стали, как бы „мошенниками“ и даже больше — „большевиками“. Деньги атаман, оказывается, получил и распределял по своему усмотрению. Определил он и нам на этот раз кое-что. Но вышла и тут беда. Так как он хотел распределять сам, по своему усмотрению, а мы, на законном основании, настаивали на распределении по соглашению всех, то в третьей очереди он совершенно отказал нам в долях и выразил сожаление, что раньше выдал нам несчастные гроши. На наши вопросы куда он девал деньги, которые получил, отвечал, что это — не ваше дело; ваше дело вносить взносы в станичную кассу, а мое дело — тратить. Нам не хотелось все это писать, но такие дела необходимо раскрывать, чтобы такие лица осознали всю преступность своих действий и что так делать не годится для казачьей чести. Тем более, расписываться за казаков

грамотных вообще — преступно с точки зрения какого угодно закона.

Мы, нижеподписавшиеся казаки, проживающие в гор. Лесковаце, просим Вас, г-н Редактор, не отказывать в любезности поместить все это на страницах уважаемого нашего журнала „ВК“ и одновременно во всеуслышание заявляем, что в станице „Его Имп. Вел. Наследника Цес. Алексея Николаевича“ в гор. Горно-Ореховице не стоим и ничего общего с таковой станицей не имеем.

Примите наши искренние пожелания и поздравления всех вольных казаков с Христовым Воскресением.
Ник. Ив. Ковалев ВВД., Мих. Кар. Токарев КВ., Ник. Сем. Пискунов ВВД., Ем. Фед. Калябухов ВВД., Вас. Макс. Щенетков ВВД., Ник. Ник. Шепталов Ур. В., Ан. Ив. Меркулов КВ., Иос. Фил. Горбачев ВВД., Лав. Пет. Долженко КВ., Илья Петр. Клочков ВВД., и Дан. Кар. Садчиков ВВД.

Р. С. Группа вольных казаков гор. Лесковаца собралась в праздник Светлого Христова Воскресения в тесный круг вспомнить про казачье житье-бытье, попеть песни и выпить по чарке вина. Все казаки глубоко верят в воскресение Казачества; все мы, едва зарабатывая на жизнь тяжелым физическим трудом, бедны материально, но богаты и крепки духом.

В ближайшем будущем надеемся образовать здесь свой вольно-казачий хутор и теснее связаться с Вами.
 Вр. старшина группы Н. Ковалев.

В Братиславе.

На 8 сего мая был назначен годичный сбор общеказачьей станицы на Словакии. К 2 часам дня собрались почти все казаки — члены станицы, проживающие в Братиславе.

К сбору готовились особенно энергично т. н. „русские казаки“ или „атаманцы“, как они себя величают, и которые задались целью изгнать из станицы вольных казаков, проявивших много инициативы и энергии в жизни станицы.

Задолго до сбора „атаманцы“ начали навещать бараки, в которых живет около 15 чел. казаков, преимущественно, донцов, и всячески чернили всевозможными неправдами вольно-казачье движение, предсказывая казакам вечное прозябание за границей, если они не будут слушаться своих атаманов и прочих „вождей“.

Особенно усилилась „атаманская“ агитация после того, как правление станицы отказало в приеме в число членов бывш. окруж. атаману полк. Дронову, который за невзнос членских взносов (ни одного раза)

был правлением неоднократно напоминаем. В ответ на эти напоминания полк. Дронов прислал свое заявление о выходе из станицы, заявив при том, что пока в правлении станицы будут самостийники, он не желает быть ее членом.

И вот, когда было разослано объявление о сборе, то стан. Дронов, несмотря на то, что в правлении было тоже самое самостийное большинство, подает снова заявление в правление и просит принять его ее членом. Правление в приеме ему категорически отказало и предложило обратиться с этим непосредственно к станичному сбору.

Посудите сами, окружного атамана, полковника, а следовательно, и претендента на водительство, не хотят принять в ст-цу. Не обидно ли? Это и послужило „атаманцам“, главным агитационным „козырем“ против правления.

В такой, довольно возбужденной атмосфере и был открыт годичный станичный сбор.

Атаман ст-цы, И. С. Бойко, произнес к собравшимся краткое приветственное слово и предложил приступить к работе. Председателем сбора был избран П. П. Головчанский, а секретарем Н. Стефанов.

Повестка, предложенная правлением, была принята без изменений.

По пункту первому повестки: „чтение и утверждение протокола предыдущего сбора“, атаман станицы сделал сообщение о том, что протокол ему, несмотря на неоднократные просьбы, до сих пор доручен не был. Не безинтересно, что председ. предыдущего сбора был полк. Сгибнев, а секретарем, который даже не явился на сбор, войсковой старшина В. К. Попов. Присутствующий на сборе ст-к Сгибнев никаких пояснений не дал. Очевидно 6 месячный срок был недостаточен для того, чтобы приготовить протокол.

Следующим пунктом повестки было: прием и исключение членов.

Опять поднялся вопрос о станичнике Дронове. Атаман доложил сбору обо всем подробно и сбор отказ правления подтвердил, чем ясно выявил свое отношение к „патентованным вождям“.

Затем атаман ст-цы И. С. Бойко в своем обстоятельном докладе о деятельности правления за истекший год подробно изложил трудности, которые пришлось преодолеть правлению, и о значительных достижениях, как в деле самопомощи, так и в деле сближения, несмотря на некоторую пассивность большинства членов ст-цы. За истекший год правление устроило 2 пасхальных вечера, прошедших очень удачно, 2 лекции, прогулку, концерт хора Кострюкова и значительно пополнило библиотеку ст-цы. Была также учреждена при Брат. Унив. стипендия имени атамана Каледина и собрано около 1000 Кз. для этой цели.

Далее атаман призывал собравшихся сплотиться и показать большую жертвенность на казачье дело, без которой работа организации почти невозможна. Казначей станицы, инж. М. В. Минаев, подробно доложил о состоянии станичных финансов.

Предс. рев. ком. др. Растринин П. Д. в своем докладе о ревизии сообщил, что дела правления ведутся писарем и казначеем образцово.

После докладов были объявлены прения.

Первым „критиком“ выступил первый помощник атамана инж. Парапонов, который 4 месяца замещал отсутствующего атамана.

Все его нападки были последующими ораторами опровергнуты и была принята следующая резолюция: „Доклад атамана и казначея о деятельности правления принять к сведению и благодарить за проведенную работу“.

Следующим пунктом были выборы правления: Названо было три кандидата: Бойко И. С., Безуглов И. И. и Парапонов И. Н.

И. С. Бойко свою кандидатуру, несмотря на просьбы, снял, после чего было приступлено к выборам тайным голосованием. Избранным оказался И. И. Безуглов. В виде протеста против избрания И. И. Безуглова, несколько человек во главе с инж. Парапоновым покинуло сбор.

Дальнейшие выборы прошли единогласно.

Помощ. ат. избраны: П. П. Головчанский и Г. Л. Еременко, писарем — И. С. Бойко, казначеем — М. В. Минаев. Запасн. членами: Стефанов Н. и Булаткин О. Е. Ревиз. комиссия: Колесов, Котельников С. М. и Бирюков А. Я.

Вновь избранный атаман поблагодарил сбор за доверие и выразил уверенность, что, при поддержке членов станицы, ему удастся теснее объединить и скрасить нашу безотрадную жизнь вдали от наших привольных степей.

Затем было заслушано положение о стипендии, которое и было утверждено, чем повестка дня была исчерпана.

Председателю сбора П. П. Головчанскому была высказана благодарность за умелое ведение сбора.

(Соб. кор.)

Против клеветы.

Многоуважаемый станичник Редактор, не откажите напечатать в журнале „В.К.“ копию письма, которое мы послали редактору „П. Н.“ в защиту чести полк. Жукова.

„В редакцию газеты „Последние Новости“.

Милостивый Государь, г. Редактор!

Не откажите в любезности напечатать в ближайшем номере Вашей газеты нижеследующее: В номере от 14 сего мая „П. Н.“ напечатано заявление некоего горца, скрывшегося под инициалами С. Я., о том, что „Горгулов в последнее время был тесно связан с кубанским самостийником, полк. Алексеем Жуковым“, что, якобы, Жуков „намекал“ (?) этому горцу о необходимости русским убраться из Франции, потому де „этим летом должны произойти серьезные события“ и что, наконец, „лица, знавшие Жукова, подозревали его в сношениях с большевиками“.

Правление О. Р. К. не сомневается, что это заявление от начала до конца является ложным; также не сомневается, что полк. Жуков, в данное время проживающий в Праге, немедленно привлечет к судебной ответственности этого гнусного клеветника.

Но этим заявлением брошена опорочивающая тень и на Общество Ревнителю Казачества, членом которого состоит полк. Жуков, а потому Правление О.Р.К. считает своим долгом заявить — кто такой полк. Жуков: 1. Полк. Жуков одно время состоял писарем, а впоследствии атаманом Кубанской станицы в Париже; 2. Полк. Жуков был главным уполномоченным лицом во всей Франции по сбору средств в „Фонд Освобождения Родины“; 3. Полк. Жуков принимал участие в работе Казачьего Клуба в Париже и, наконец, 4. он до настоящего времени состоит членом правления Кубанской станицы и членом О. Р. К.

Правление заявляет, что за девять лет своей жизни в Париже полк. Жуков ни в чем предосудительном по большевизму замечен не был, доказательством чего служит его общественное положение среди казаков; за все это время ничего предосудительного за ним не заметила и французская полиция, доказательством чего служит то, что он выехал в Прагу с обратной визой, с правом возвратиться во Францию.

Наконец, правление О. Р. К. с глубоким возмущением протестует против попытки этого неизвестного горца как то связать подлого убийцу Французского Президента с самостийниками-казаками.

Казаки-самостийники, разделяя беспредельное горе французского народа, охваченные чувством глубочайшего негодования этим отвратительным преступлением, почтительно склонившие свои головы перед раскрытой могилой славного Президента Французской Республики, в тот же день телеграммой на имя Председателя Совета Министров выразили эти свои чувства.“

Примите уверение в совершенном к Вам уважении:

Председатель Правления **Лысенков.**

Заместитель Председателя **А. Огиенко.**

Казначей **Е. Чертков.**

Секретарь **Скобелин.**

Париж. 15 мая, 1932. № 103.

Группа вольных казаков в гор. Лесковац.

От Белградских студентов.

На очередном заседании своем правление Общеказачьей Студенческой станицы в Белграде, ознакомившись с обращением к казакам, подписанным „младороссами“ г. г. Чапчиковым и др. и не считая сие писание столь серьезным, чтобы на нем долго останавливаться, правление все же нашло нужным напомнить казакам да и самим подписавшим этот юмористический „документ“ следующее.

В свое время именуемый себя императором российским великий князь Кирилл Владимирович сам признал революцию в России и с красным бантом явился принести присягу революционному правительству.

Совсем же недавно в одном из своих „манифестов“, он заявил, что большевицкая власть — русская национальная власть и что он борется лишь за ее возглавление и сохранит все остальное так же, как оно есть в настоящее время...

Казак, искони вольные, боролись с большевиками за свою самобытность и звать их укреплять советскую власть, но с другими вождями, могут лишь те люди, у которых понятие о совести и чести столь же смутно, сколь смутно и представление о роли и правах Казачества.

Укреплять советскую власть во главе с императором Кириллом своими последними грошами представляем г. Чапчикову и иже с ним, сами же зовем на беспощадную борьбу с большевиками, разорившими и обездолившими Казачество.

Атаман Студенческой Общеказачьей станицы **П. Поляков.**

За помощника станичного атамана: **Н. Залозный.**
Станичный писарь: **П. Зрянин.**

В Клиши.

5 мая атаман Донской Парижской ст-цы А. Н. Трофимов на собрании казаков Вольно-казачьего хутора в Клиши прочитал свой доклад на тему: „Страна Казаков“.

Атаман Вольно-казачьего хутора Войск. ст. Каменнов приветствовал докладчика и предложил хуторянам вникнуть в былую суть жизни казака, подумать над тем, кем мы, казаки, были...

Надо правду сказать, что доклад был построен как бы художником, который говорил казакам о жизни казачьей простым казачьим языком...

Докладчик говорил: „Я сейчас хочу не доклад чи-

тать перед вами, а хочу произвести вместе с вами маленькую прогулку“. „Смотрите, как все, далеко распустившиеся в степи станицы и хутора тянутся сюда“.

Малюя картину „Страну Казаков“ и обозревая ее богатства, докладчик не забыл и о числе, чтобы казак не забыл о своих богатствах...

Когда доклад был закончен под рукоплескания казаков, хуторской атаман К. Д. Каменнов предложил хуторянам высказаться.

Ст. Грицко (Куб. В.) советывал „русским казакам“ становиться в ряды вольных казаков.

Полк. Захаров (Дон. В.) говорил: „С большим интересом я выслушал доклад. Это сухая правда. 300 лет нас, казаков, душили, но не задушили“. Переходя к тактическому поведению самостийников, он, Захаров, сказал: „Нам нужно честно и благородно подходить к делу“. (Высказал свои опасения, что „из числа самостийников может найтись еще Быкадоров“).

Ст. Голеннов (Дон. В.) довел до сведения собравшихся, что ему пришлось слышать со стороны еднонеделимцев по адресу вольных казаков: „Ну, что вы кучка, а у нас есть ген. Богаевский и Миллер. У вас, самостийников, нет видных людей“ Ст. Голеннов с подобными выводами не согласен, ибо „видные“ люди способны только „опекать“, а делать дело может только казачья масса. „Опека“ ген. Деникина и Богаевского известна. Когда казаки научатся разбираться в политических вопросах, то они обойдутся и без „опекунов“ и завершат свой Казачий Дом.

С заключительным словом выступил докладчик. Он пояснил, что государственными людьми могут быть и не „видные“ люди. Указал на одну из культурных стран, Францию, и привел как пример французских парламентариев. Добавил, что нам надо учиться, а прошлое свое не забывать: „У нас каждый казак — атаман“.

Хуторской атаман после всего благодарил докладчика за ценный доклад, в котором укладывается все то, чем мы, казаки, жили и дышали. (Соб. кор.)

В Банате.

Представитель „В. К.“ в Банате (Югославия) Г. Алферов, пользуясь Пасхальными праздниками, предпринял обезд целого ряда деревень для собеседования по текущему моменту казачьей жизни как с отдельными казакими, оторванными от родной массы, так и группами казаков. Эти беседы везде пользовались успехом и дали положительные результаты в смысле внедрения казачьей национальной мысли.

В Вел. Тырнове.

И здесь, как и везде, существуют различные организации, под час никому неведомые, неизвестно зачем и для чего возникшие, состоящие часто из двух, трех человек. Получил я недавно приглашение на собрание „Русской колонии“, на доклад по казачьему вопросу. Хотя я не бывал там обыкновенно, но тема потянула меня на это собрание. Доклад начался с чтения присланных поздравлений с Пасхой, потом докладчик коснулся немного дальневосточных событий и, как гвоздь дня, прочитал письмо Быкадорова к казакам. Содержание его всем известно. Что же мне, простому казаку, на это сказать?.. Мою веру в Казачество и в правду нашего движения он не разбил и мою любовь к моему народу ему не угасит. Изменники из нашей среды бывали и раньше, но думалось, что их не будет из среды вольных казаков, но, таки нашелся один — генерал Быкадоров... Скатертью ему дорога и прямо к младороссам, тем более Чапчиков ему обещает прощение и милость от Казем-Бека, может, выхлопочет.

Каз. Гринкин.

Калмыцко-казачий вечер в Белграде.

Инициативой Общеказачьей Белградской Студенческой станицы и студентов калмыков, частью в нее входящими, был организован на третий день Пасхи вечер в ресторане Мокролушка Касина.

При любезном участии и помощи г-жи Бебе Переборовой, г-жи Деглеш-Шура-Игнатовой, Эрдне Васильева, ст. Сарана Бадьминова, ст. Садьмана Кульдинова, ст. ст. Ф. Денисова, В. Борисенко, К. Поликарпова и Б. Кундрюцкого была разыграна пьеса-шутка Б. А. Кундрюцкого: Хамхарха зуркен (Разбитое сердце). В обширном дивертисементе приняли участие: ст. И. М. Фастунов, исполнивший романсы: калмыцкий (слова студ. Эрдне Пукова, умершего на Лемносе) и русский; студ. Федор Денисов, исполнивший казачек и лезгинку; прекрасная исполнительница калмыц. нац. танца Бебе Переборова; бандурист виртуоз А. П. Черный и декламаторы: П. С. Поляков с поэмой „хутор Разуваев“, Б. А. Кундрюцков — стихи „Ватажный Атаман“, Э. Васильев — стихи „Думы калмыка“ К. К. Полякова (см. „Ков. Волны“) и др.

Исполнению программы предшествовали две речи, произнесенные атаманом станицы П. С. Поляковым и представителем кал. молодежи Садьманом Кульдиновым.

Небольшой ресторанный зал был переполнен. Общее веселье царило до конца вечера. Среди гостей были видные калмыцкие и казачьи общ. работники. Вечер посетил и представитель в.к. в Скопле М. И. Портнов.

Отметим несколько интересных речей, произнесенных на вечере.

Ст. Садьман Кульдинов (по калмыцки): Братья калмыки! Есть две дороги — общерусская и вольно-казачья. Мы должны внимательно присмотреться, по какой нам надо идти с выгодой для себя. Описав подробно их, оратор закончил: наш путь с ВК. И я первый, вступив в вольно-казачью студенческую станицу, зову Вас не отрываться от казаков-националистов.

Доктор Эрдне К. Николаев указал на то, что ему, в первый раз присутствующему на таком совместном калмыцко-казачьем вечере в Югославии, было очень приятно констатировать факт существующей спайки.

Полковник А. А. Алексеев подчеркнул, что судьбы калмыков и казаков тесно связаны с русским народом.

Эта речь вызвала крики: неправильно!..

П. С. Поляков говорил о национальном возрождении и благодарил гостей за дружное посещение вечера.

Н. Евсееву, семьям Кульдиновым, Переборовым, Игнатовым Станица и устроители выражают свою признательность за помощь.

(Соб. кор.)

УРУС (весенний праздник у калмыков в Белграде).

7 мая с. г. был отпразднован один из годовых праздников калмыцкого народа — это был второй день нового месяца „Хон“ 2896 года (по Буддийскому летоисчислению).

Процессия во главе с бакшей Умальдиновым и гелюном Меньковым, в сопровождении калмыков и представителей Общеказачьей Студенческой станицы вышла за черту города Белграда и тут на лугу были выполнены обряды духовные и народные обычаи, игры, борьба, бега и т. д.

После речи гелюна, студент П. Мерзликин приветствовал всех от лица станицы и выразил надежду на скорое возвращение и возрождение свободного калмыцкого народа.

(Соб. кор.)

О Бакше Борманжинове.

5-го мая была годовщина смерти покойного Ламы донских калмыков М. Борманжинова.

В Хуруле была отслужена служба, после которой присутствующими было решено ознаменовать чемнибудь эту дату и увековечить память умершего Ламы.

Гелюн Меньков предложил выставить в Хуруле его портрет, а ст. С. Кульдинов предложил выпустить небольшую брошюру на кал. языке о его жизни и деятельности. Оба предложения были приняты.

(Соб. кор.)

† Д. А. Алексеев.

Дава Амуланович Алексеев, казак станицы Батлаевской, много лет бывший помощником станичного атамана, в войну с большевиками бывший вахмистром одной из сотен Зюнгарского Калмыцкого полка, подхорунжий, георгиевский кавалер, умер 15 апреля с. г. в г. Виши, разбитый параличем. В эмиграции ему пришлось вынести очень много горя: потерял двух невесток, одну с тремя детьми и, наконец, совсем недавно смерть любимой жены доконала 58 летнего казака, горевшего желанием увидеть свободную родину и всегда благословлявшего своего единственного сына на служение идее Казакии.

Да будет легка тебе чужая земля. Дай Бог душе твоей лучшее перерождение.

Сын Учур.

Д. А. Алексеев.

Письмо в редакцию.

Многоуважаемый станичник Редактор!

Покорнейше прошу Вас поместить мое письмо в журнале „В. К.“

В пасхальном 56 номере газеты „Русский Голос“, издающейся в Белграде, была помещена статья, подписанная „казак“, в которой описывался последний приезд студентов из Белграда в Новый Сад. Начиная с первого слова, идет отчаянная и беззастенчивая ложь. Писал, вероятно, „очевидец“. Читая статью, я покреснел за ее автора. И было обидно, что казак, если автор действительно казак, в чем сомневаюсь, мог так низко пасть. Я не хочу начинать какой-либо полемики с этим „казак“, т. к. считаю это ниже своего казачьего достоинства. Врагом, достойным уважения, не может быть человек, который боится подписаться своим именем под своим „произведением“. Пишу я не для автора лживой статьи, а для казаков, друзей Казачества и честных наших противников. Из трех ездивших в Новый Сад, пишу я потому, что упоминается только моя фамилия. Почему именно меня удостоили такой „чести“, право, не знаю.

Статья сказала мне больше, чем этого хотел ее автор. Я увидел, что кроме лжи, у наших врагов нет иного оружия. С таким жалким оружием с нами никто не справится. Я лишний раз убедился в нашей правоте и силе. Слова, брошенные, в частности, по моему адресу, могут только смешить тех, кто знает меня. Я назван „недоучкой и предателем Родины“.

Я хотел бы точнее знать, какой родины?.. До этого времени я успел окончить только Донской кадетский корпус и окончил его блестяще, с нашивками и прочим, о чем, кого интересует моя биография, могут справиться у ген. Перрета, директора кадетского корпуса. В университете я — первый год, так что до „недоучки“ очень и очень еще много. Ну, наконец, гвоздь всегдашних комментариев, посылаемых по нашему адресу: „предатель“... Мне смешно. Живу я на белом свете всего 21 год. Занявшись немного арифметикой, высчитал, что в момент начала революции, т. е. в период крушения России, мне было 6 лет. Знать и любить, а потом еще и предать свою родину Россию в такие годы мудрено. Правда, помню, что русский „патриотизм“ начал у меня пробуждаться в четыре года, но дальнейшее его развитие энергично пресек мой отец тем, что за первые же мои „успехи“ пребольно меня выпорол плетью (в селе Сотниковском, даже и место „историческое“ помню; я, увлеченный „музыкальностью“ русской речи, пуганул кого то по „русски“, за что и получил заслуженное). Как видно, „русское“ усиленно выбивалось из меня. С 17-го по 20-й год я успел повидать у себя на Кубани и „белаго“ русского и „красного“. Помню, что проклинались они одинаково. Я видел ужас и страх в глазах близких, когда карательные экспедиции появились в станице, видел кровь и слезы. И здесь впервые научился различать „наших“ и „не наших“. Да, девяти лет я уже научился любить свою Кубань, т. к. успел ее узнать, что я считаю самым главным. Бесследно промелькнули для меня дни Крымской эпопеи и, с Лемносским этапом, я очутился в королевстве СХС. Отец определил меня и моего брата в Донской кадетский корпус, где, вначале, о России говорилось очень мало. Там же, постоянной бестактностью и оскорблениями по адресу всего Казачества со стороны воспитателей и некоторой части кадет, меня и воспитали в национально-казачьем духе. Пользуясь случаем, я шлю глубокую благодарность директору корпуса ген. Е. В. Перрету за то, что он заставлял меня всегда помнить, что я прежде всего казак. Желая ему дальнейшего успеха в его работе.

Дальше в той же жалкой статье упоминается, вероятно, последнее мое выступление против Кубанского В. А. В. Г. Науменко. Да, я говорил с Атаманом, но не чернил его и не клеветал, а лишь указал ему на тех, кто первый начал подрывать его авторитет. И вновь повторяю, что его авторитет в корне подорван Добрармией и ныне подрывается ее преемниками. Меня, молодого казака, поражает нежелание отцов задуматься над тем, что было и что есть. Почему они гото-

вы служить любому русскому генералу, но не родному Казачеству? Велик и мудр был Моисей. За 40 лет странствования по пустыне он дождался, когда все, бывшие рабами, вымерли...

С искренним каз. приветом Петр Мерзликин.
4-5-32. Белград.

Скоплянская действительность.

Письмо в редакцию.

11. X. 1931 г. в Скоплянской общеказачьей станице состоялось общее собрание казаков для заслушивания отчета старого правления за истекший период и выбора нового правления, что и было сделано при общем единодушии и приговоры об отчетности и выборах подписало 39 человек, присутствовавших на собрании. В то время в станице числилось 76 членов, из которых 18 находилось на работах вне Скопле. Сразу же после этого некоторыми лицами начинается травля (видимо по указанию „свыше“), а в № 11 за 1931 г. „К. К.“ появляется заметка о „неутверждении“ нового состава правления и начинается систематическая травля „сверху“ и „снизу“, в которую втягиваются и некоторые казаки явно и открыто шедшие за „неутвержденным“ правлением. В это же время через М. Гноевого получают сведения, что 17. X. 1931 г. ген. Науменко в Куб. Канцелярии в Белграде делал „доклад“ на совещании „старшин“ о положении в Скопле, на основании доносов из Скопле. На совещании присутствовали и г. г. О. Т. Назаренко, П. Булатецкий, Г. Шелест. Такая привезенная Гноевым новость возмущает казаков и они просят меня потребовать выдачи доносчиков на суд обществу. Идя навстречу желаниям казаков, я актом № 160/31. на имя Представ. Куб. казаков потребовал выдачи доносчиков, на что ген. Науменко под № 1374 от 6. XI. 31. пишет буквально следующее: „Начальн. Штаба полк. Соламахину. Я никаких доносов на г. Ковгана не получал. Что же касается жизни казаков в Скопле, то ненормальность ее видна из представленных г. Ковганом приговоров. Напр., приговор об избрании станичной администрации подписан 39-тью членами, а на сколько мне известно, по спискам станицы числится чуть ли не 300 человек и, во всяком случае, даже по Вашим данным там значится около 120 чел. Выходит, что в выборах участвовало около 1/3 всего состава станицы, а по „положению о станицах и хуторах“ должно участвовать не менее половины.

Затем я не допускаю мысли, чтобы такая большая группа, как 120 чел., осталась совершенно инертной и неотзывчивой на нужды Войсковые и нуждающихся казаков. А просмотрите отчеты по разным статьям наших фондов. Много ли Вы найдете взносов от Скоплянской станицы на помощь нуждающимся, в Войсковую казну, в фонд освобождения Родины, на постройку Кубанского дома и пр. Все эти наблюдения дают мне право сделать вывод, что казаки Скоплянской станицы не принимают участия в казачьей жизни. Каковы причины, судить отсюда трудно. Как предположение можно высказать, что, или станичная администрация не может вдохнуть в казаков мысль о необходимости им жить не только интересами личными, но и общественными, или она этого не желает сделать, или сведения о составе станицы дутые. Однажды я высказал эти свои сомнения в письме к атаману Ковгану, но разрешения их от него не получил. Он попросту промолчал на это мое письмо. Этот факт также говорит мне о неблагоприятии в станице, раз станичный атаман не находит нужным отвечать на вопросы Атамана Войскового. Приходится думать, что письмо не дошло.

Все это можете сообщить атаману г. Ковгану и вновь подтвердить ему о том, что ни одного доноса из Скопле я не получал, ни анонимного, ни за чей-бы то ни было подписью. Ненормальность же жизни в Скопле я вижу из вышеприведенных данных. Об этом я говорил на собрании 17. X., указывая на примере Скоплянской жизни, как на образец разболтанности казаков и нежелания их принимать участие в жизни казачьей и их нуждах.

Приговора № 2 утвердить не могу, т. к. выборы состоялись с нарушением положения о станицах и ху-

торах, о чем я сказал выше. Да утверждение мое и не обязательно, но обязательно соблюдение положения. Полагал бы целесообразным, чтобы станичное правление пересмотрело списки станицы и оставило в ней только тех, кто действительно в ней состоит. Я понимаю, что нельзя придираться к букве закона, но ведь нельзя же его и нарушать так безжалостно, как делается это в Скопле, где вместо 60 выборщиков действуются 39-тью.

О состоявшихся в Скопле выборах отметьте в хронике, но без указания об утверждении их мною. Я полагаю, что в Скопле будут приняты меры для согласования жизни станицы с положением о ней.

Как на неправильность (неимеющую большого значения, но все же нарушающую общий порядок) должен указать на то, что Скопьянская станица, в лице своего атамана, обращаясь в Кубан. Предст-во должен адресовать свои обращения к определенному лицу, а не учреждению, напр.: Войск. Атаману, его помощнику, нач. штаба или секретарю. А кроме того, прежними положениями о письмоводстве (а других мы пока не имеем) предвиделась форма сношения со старшими или высшими инстанциями: рапорт, докладная записка или официальное письмо. Повторяю, что все это не столь существенно, но неправильно. Это все по последним сношениям и приговорам Скопьянской станицы. Куб. В. Атаман, ген. м. Науменко“.

Из всего предыдущего видно, что Гноевой и все присутствовавшие на „докладе“ ген. Науменка 17. X., врут. Однако странная вещь произошла после. В приказе № 6 („К. К.“ № 3 за март 1932 г. стр. 3) тот же ген. Науменко пишет: „В дальнейшем я получил неоднократные жалобы о неправильности выборов“..., т. е. сам себя уличил во лжи! Как это случилось? Но будем последовательны. На акт № 1374 я ответил за № 165 от 12. XII. 1931 г. следующее: „На № 1374. имею сообщить нижеследующее: Общеказачья станица в Скопле в своем составе имеет казаков разных Войск 76 человек. Из этого числа 18 чел. находится на работах вне Скопле. Относительно фондов все станичники надлежащим образом информированы и куда следует направлять пожертвования каждый станичник знает. Но нужно принимать в соображение то обстоятельство, что существующая круглый год безработица на казаках сильно отражается, а когда заработки приходят, то они ниже прожиточного минимума. В среднем здесь казаки зарабатывают тяжелым физическим трудом от 700 до 1000 динар, да и то не каждый месяц, а такой заработок недостаточен для самой скромной жизни семьи. Отсюда вполне объяснимо, почему в фонды от казаков из Скопле нет поступлений. На письмо в свое время я не ответил потому, что оно было в форме выговора, а не вопроса и я не считал для себя возможным вступать в полемику с носителем верховной власти Войска, тем более, что вопрос шел о „казачьем кармане“.

О доносах (были они раньше или позже) вопрос совершенно отпадает, т. к. эти „господа“ сами себя выдадут. Для примера: на днях (после двухлетней „работы“ против меня) я встретил Д. Семибратова, который (говоря со мной резко и подчеркивая, что за ним штаб) заявил, что он кирилловец, что он имеет постоянную связь с Войск. Атаманом и „штабом“, что делает, делает и будет делать доносы (тем же, наверно, занимаются и г. г. Король, Дикий, Лукаш и еще 3—4 человека), обливая меня грязью; что он должен стать атаманом и что пустит всю возможную ложь — лишь бы добиться цели; что всю станицу переделает в кирилловцев; что я виноват, что возвратил (откуда это ему известно?) непроданные номера информ. „К. К.“, а не заставил казаков купить — и еще много разных глупостей наговорил. Конечно, меня и казаков несколько не удивило, если В. Атаман и штаб получают доносы от такого дураля и ему подобных т. к. эти „г. г.“ никогда еще лучшего применения своих способностей не находили, а здесь казаки им цену знают и поднять эту цену никаким способом уже нельзя, а сущность их доносов — собака лает, ветер носит. „Работают“ же они „на благо“ Войска с самых тех пор, когда казаки здесь сами (без их помощи) создали общеказ. станицу, стараясь ее расшатать.

До сих пор я, действительно, посылал все в адрес Предст-ва Куб. казаков по той простой причине, что не знал, какую роль играет помощник В. Ат-на, Нач. Штаба, т. е. что входит в компетенцию Пом. В. Ат-на, Нач. Штаба, секретаря и ровно три года эта поправка ненамеренной ошибки никем не внесена. На бланке же и печати стоит: „Представ. Куб. Казаков“. Вот почему все и направлял в адрес Предст-ва, будучи уверен, что будет решать тот, в чью компетенцию данный вопрос входит.

Что же касается формы сношения со старшими, то я все три года пользовался современными европейскими гражданскими формами, да если бы и хотел придерживаться старых форм, то не могу, т. к. не имею под рукой прежнего положения о письмоводстве, а что эта несущественная неправильность в течении трех лет была терпима и не исправлена — вина не моя.

Согласно снош. № 1374 — вся переписка возвращается для приобщения к делам Кубанского архива. Атаман ст-цы Я. Ковган, станичный писарь Ал. Медяник“.

На предыдущее сношение мною не получено никакого ответа. На не милость же „начальства“ я открыто заявил, что не позволю кому либо дать станице пощечину. Казаки же глухо ропщут на „начальство“ и решили, минуя меня, написать ген. Науменко письмо такого содержания: „В виду того, что на нашу станицу некоторые лица льют всякую грязь и стараются станицу развалить, основываясь на том, что новое правление с атаманом Ковганом, выбранным казаками на четвертый год единогласно, Вами не утверждено, а видя заблуждения и злую волю некоторых, желаем Вам сказать правду и думаем, что вы поймете всю нашу горечь казачью. Начнем с самого начала существования станицы. В те времена, когда был Атаманом Гордиенко, куб. офицер, казаков было много, заработки были хорошие и с казаков правление брало деньги, а для казаков ничего не было сделано. После был атаманом куб. офицер Щерба, да и правление было из офицеров и что же? Да все казачьи деньги замотали в 1926 году и тот же Щерба принял подданство и отказался деньги возвратить, а сотн. М. Мищенко возвратил только в 1930 году теперешнему атаману по его (атамана) настоянию. В это время станица пришла, в состоянии развала. После, в 1927-28 г. атаманом был Чеботарев, член Терск. Круга, который при списке станицу передал в русскую колонию, а сам уехал из Скопле и тем положил конец станице, поставив всех казаков в дурацкое положение. Все куб. офицеры, находящиеся здесь сейчас — были и тогда, а никто из них не взялся станицу поставить на ноги и помочь нам, казакам, в этой тяжелой беженской обстановке. Когда же казаки увидели свою безвыходность без станицы, то выбрали себе в конце 1928 года атамана Ковгана, который взялся энергично за дело и вместе с казаками через всякую клевету и грязь тех же Куб. офицеров (за малым исключением) вырвал казаков из колонии и начал строить станицу. А где же были офицеры? Да они сказали, что им неудобно идти ссориться за казаков с интеллигентными людьми в колонии и большинством из них там и осталось. Что они дали станице? Кроме травли, клеветы и вреда — ничего. За три года г. г. Дикие, Король, И. Лукаш, П. Ларионов и некоторые другие, и десяток казаков под их влиянием состоят в русской колонии, в станицу не дали ни гроша и в ней же не состоят, а все время ведут травлю против. Мы, казаки, против офицеров не пойдем, но если они ушли от нас и вредят нам, то они не нужны нам. Сейчас мы в особенно тяжелом положении из-за безработицы и они бы должны были идти нам в помощь, а тут наоборот. Показательный случай их вреда — последние выборы в Скопле. На сбор никто из них не явился, хоть и объявлено было за 10 дней, и все знали. На собрании казаки единогласно выбрали правление, а на другой день некоторые из них протестовали и говорили, что написали Войсковому Атаману. Когда же в „К. К.“ было объявлено, что правление не утверждено, они поймали козыря в руки и начали по закалкам собирать сборища и готовить новые пакости, забывая, что это же рушит казачью среду.

(Окончание следует).

В Казаки.

По советским газетам.

О ходе сева читаем в „М.“ 11 мая: „Признать крайне неудовлетворительным ход сева по ряду районов, совхозов и МТС (машинно-тракторных станций) и особо отметить совершенно недопустимое... затягивание в ряде районов и совхозов с выполнением плана посева пшеницы, этой основной и решающей культуры в текущую посевную кампанию“...

„Посевную тревогу — в каждую колхозную бригаду“ кричит „М.“ 14 мая. Там же читаем „черную доску“: „На черной доске остаются: Таганрогский, Азовский, Оградненский, Ессентукский, Прикумский, Тихорецкий. Безобразно также ведут сев: Северский, Матвеево-Курганский, Александровский, Невинномысский, Миллеровский, Тащинский, Георгиевский“.

„Борьба за хлеб — борьба за социализм“, объявляет „К. З.“ (краснодарское) 13 мая.

14 мая там же: „Темпы слабы“. „Тимирязевцы (ст. Елизаветинская) кукурузу еще не сеют“. „В Елизаветинской черепаши темпы пахоты“. В Пашковской „срывают сев“.

16 мая там же: „Итоги работы промышленности за первую декаду (декада — десять дней) мая, не только не давшие нарастания темпов, но значительно ухудшившие показатели, достигнутые в апреле, говорят о явном прорыве на многих предприятиях“...

„Показатели первой декады мая — позорные показатели“. „Налечь на все рычаги — немедленно добиться перелома!“ „Плохое планирование вызывает простой станков“. „Контрольный отдел глух к сигналам рабочих“. „Разводить кроликов, а не волынку!“

В „М.“ 16 мая: „Ессентукский, Азовский, Ейский и Тихорецкий районы позорно топчутся на месте“. „В Ессентукском районе нет тревоги за ход сева“. „Простои машин срывают сроки сева в совхозах“.

Там же 17 мая: „Мобилизовать активность масс на быстрейшее завершение сева“. „Темпы сева в зерносовхозах все еще недостаточны“.

И т. д. и т. д.

По белу свету.*)

Положение на Дальнем Востоке, одно время грозившее войной между Китаем и Японией, в одном пункте нашло спокойное разрешение вопроса и в этой части возможность крупных событий исключена. Между указанными державами по Шанхайскому осложнению достигнуто сравнительно мирное соглашение. Японцы эвакуировали Шанхайскую зону. Однако есть признаки, дающие повод думать, что затишье на одном пункте означает усиление активности и обострения отношений на другом. Положение в Маньчжурии остается все еще настолько неопределенным, что в связи с явным усилением активистских настроений в Японии, с одной стороны, и со столкновением Японо-Советских интересов, с другой, можно ожидать, что именно здесь назревают большие события. Судя по частым корреспонденциям оттуда, тамошние обыватели, принимая во внимание явную подготовку обеих сторон, со дня на день ждут начала войны между СССР и Японией.

Возможность этой войны усиливается и недавним переворотом в Японии, что свидетельствует о нарастании там активности кругов, стоящих за решительную внешнюю политику. Более или менее миролюбивая политика нынешнего Японского правительства кончилась недавним убийством премьер-министра Инукаэ и рядом покушений на лиц, игравших видную роль в жизни и политике государства. К этому еще нужно добавить и недавнее выступление на публичном рауте Японского представителя в Берлине, который, объясняя происходящие в Японии события, сказал, что японцы в недалеком будущем вступят в решительную борьбу с коммунизмом. В ответ на это берлинские коммунисты разбили стекла окон Японской миссии. Таким образом, на западной кончине земного шара, борьба между коммунизмом и „японским империализмом“ уже началась.

— Переизбрали на второй срок фельдмаршала Гинденбурга на пост президента Германии и роспуском Гитлеровских военных организаций было внесено сравнительное успокоение в настроение государств средней Европы. Однако, недавняя отставка германского военного министра под давлением военных кругов, осуждающих роспуск Гитлеровских дружин, дает право судить, что и в центре Европы не все тихо и гладко.

— Мировой кризис все еще не теряет остроты и многие государства принуждены все больше и больше беспокоиться за ближайшее будущее. Почти все государства закрыли свои границы для ввоза; многие приняли меры, предотвращающие вывоз местной валюты

*) Для читателей ежедневной прессы в этой заметке ничего нового не будет и пишется она для удовлетворения желаний заброшенных в глушь отдельных казаков и групп, не имеющих возможности пользоваться ежедневной прессой, но желающих, хоть изредка, через посредство своего журнала знать о том, что делается на свете.

заграницу, во избежание утечки золота. Намечавшееся экономическое соглашение между Придунайскими государствами также не привело к положительным результатам, главным образом, вследствие отсутствия взаимного доверия.

— Для характеристики натянутости общеполитической атмосферы в мире вообще надо обратить внимание на то, какие ничтожные результаты дала конференция по разоружению. Здесь, несмотря на самые миролюбивые речи почти всех участников, не принято ни одного серьезного решения в смысле действительного разоружения. Все вертелось вокруг того, что каждый хотел заставить разоружиться своего соседа, а сам хотел остаться вооруженным или сохранить то или иное преимущество.

— Во Франции произошли новые выборы в Палату и Сенат, давшие некоторую победу левым партиям. К концу происходящих выборов разыгралось крупное трагическое событие. Русский Горгулов убил французского Президента Республики Поля Думера. Преступник называет себя русским эмигрантом с Кубани. Следствие все еще продолжается. Надо думать, что оно все выяснит. Французские граждане в высшей степени возмущены этим актом и коммунистические элементы страны, пользуясь созданным настроением, ведут усиленную агитацию против эмиграции. При этом французский обыватель не делает разницы между настоящими русскими и иными национальностями из б. России; этому способствуют и русские газеты, которые были бы не прочь отказать от такого соотечественника. Русские газеты, пользуясь тем, что преступник назвался уроженцем Кубани, все время трубают, что убийца — казак, тогда как, может быть, он — русский только с казачьей территории, каковых у нас, к сожалению, не мало. Когда какой-нибудь еврей делает в Москве покушение на комиссара, то его русская эмиграция чествует как национального героя, а когда русский делает преступление, то первым делом от него открещиваются русские.

С. Б.-в.

Розыски.

Каз. Куб. В. Вышнестеблиевской ст. Михаил Кудь разыскивает своего брата Андр. Ник. Кудь, б. воен. чинов. Крамс. кон. п-ка. Лиц, знающих что-либо о судьбе разыскиваемого просит сообщить по адресу: Mich. Kud. č. 784. Kolonie Rozvoj, České Budějovice. CSR.

Каз. С. Ш. Балданов разыскивает крестьянина из Сальск. окр. Прокопенко (из села Кирпичновки) для сообщения ему адреса его брата, ныне проживающего в Архангельской губернии. Адрес Балданова: Pavillon 43, cite ceramique. Paray-le-Monial (S. et L.) France.

Открыта подписка на 1932 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Ч. С. Р. по 100 к. ч. за год, а за границу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207, Praha-Vinohrady, Tchecoslovaquie.